

КРАСНАЯ АРМИЯ В ЕВРОПЕ В 1945 ГОДУ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Сенявская Елена Спартаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета, лауреат Государственной премии РФ, действительный член Академии военных наук

В европейском информационном пространстве постоянно поднимается тема «бесчинств» Красной Армии на занятой ею в 1945 году территории Третьего Рейха. Как это соотносится с реальностью – прошлой и настоящей?

По рецептам доктора Геббельса

Одним из самых распространенных антироссийских мифов на Западе сегодня является тема массовых изнасилований, якобы совершенных Красной Армией в 1945 г. в Европе. Свое начало он берет еще с конца войны – из геббельсовской пропаганды, а затем из публикаций бывших союзников по антигитлеровской коалиции, вскоре превратившихся в противников СССР в холодной войне.

2 марта 1945 г. в своем дневнике министр пропаганды Третьего рейха Й. Геббельс писал: «...фактически в лице советских солдат мы имеем дело со степными подонками. Это подтверждают поступившие к нам из восточных областей сведения о зверствах. Они действительно вызывают ужас. Их невозможно даже воспроизвести в отдельности. Прежде всего следует упомянуть об ужасных документах, поступивших из Верхней Силезии. В отдельных деревнях и городах бесчисленным изнасилованиям подверглись все женщины от десяти до 70 лет. Кажется, что это делается по приказу сверху, так как в поведении советской солдатни можно усмотреть явную систему. Против этого мы развернем теперь широкую кампанию внутри страны и за границей»¹. 13 марта появляется новая запись: «В войне на востоке будут теперь руководствоваться только одним чувством – чувством мести. Сейчас уже все соотечественники верят в то, что большевики совершают зверства. Нет больше человека, который игнорировал бы наши предостережения»².

Позднее помощник рейхскомиссара Геббельса доктор Вернер Науман признается: «Наша пропаганда относительно русских и того, что населению следует ожидать от них в Берлине, была так успешна, что мы довели берлинцев до состояния крайнего ужаса», но «перестарались – наша пропаганда рикошетом ударила по нам самим»³. Немецкое население давно было психологически подготовлено к образу по-звериному жестокого «недочеловека» и готово было поверить в любые преступления Красной Армии⁴.

По свидетельству австралийского военного корреспондента Осмара Уайта, «геббельсовская пропаганда ... вбила в головы немцев параноидальный страх перед «ордами с Востока». Когда Красная Армия подошла к окраинам Берлина, волна самоубийств захлестнула город. По некоторым подсчетам, в мае-июне 1945 года от 30 до 40 тысяч берлинцев добровольно ушли из жизни»⁵.

Тогда же инициативу в пропаганде антисоветских ужасов подхватили союзнические СМИ. Причем «антирусская истерия была настолько сильной, столько ходило вокруг историй о русских зверствах, что шеф англо-американского бюро по общественным связям (PR) нашел нужным собрать корреспондентов для того, чтобы дать «разъяснения»: «Запомните, – сказал он, – что среди немцев существует сильное и организованное движение, нацеленное на то, чтобы посеять семена недоверия между союзниками. Немцы убеждены, что им будет на пользу раскол между нами. Я хочу предупредить вас о том, чтобы вы не верили немецким историям о зверствах русских без тщательной проверки их достоверности»⁶. Но назревала холодная война. И уже в 1946 г. в США выходит брошюра Остина Эппа «Изнасилование женщин завоеванной Европы»⁷.

В 1947 г. Ральф Киллинг выпускает в Чикаго книгу «Ужасная жатва. Дорогостоящая попытка истребить народ Германии», в основу которой легли сообщения прессы о «бесчинствах в советской зоне оккупации» и материалы слушаний в американском парламенте, посвященных действиям Красной Армии в послевоенной Германии⁸. Риторика последней особенно показательна: «С Востока пришли большевизированные монгольские и славянские орды, немедленно насилувавшие женщин и девушек, заражая их венерическими заболеваниями, оплодотворяя их будущей расой русско-германских полукровок...»⁹.

У нас в стране данная тема слегка затрагивалась со времен перестройки и гласности в связи с упоминаниями о ней в произведениях именитых диссидентов Александра Солженицына¹⁰ и Льва Копелева¹¹. Но настоящий информационный бум начался в середине 2000-х годов, когда «вал антироссийских книг достаточно быстро перенесся в газеты соответствующей направленности, которые с радостью принялись воспроизводить к различным военным юбилеям описания ужасов «изнасилованной Германии»»¹². Особенно модной тема стала после выхода в 2002 г. книги «Падение Берлина. 1945» английского историка Энтони Бивора¹³, который назвал «совершенно фантастические данные о численности женщин, ставших жертвами советских солдат»¹⁴. После издания книги на русском языке миф о массовых изнасилованиях стал активно муссироваться в российской либеральной прессе и в русскоязычном Интернете.

Пик массированных атак на роль СССР во Второй мировой войне пришелся на 2005 г. – год 60-летия Победы. В специальном обзоре «РИА Новости», подготовленном на основе мониторинга теле- и радиоэфира 86 зарубежных радиостанций и телекомпаний 19 апреля 2005 г., констатировалось: «Информационная возня по поводу исторической интерпретации Великой Отечественной войны не обходится без арсенала пропаганды ужасов. Опора журналистов на субъективную мемуарную память, личный опыт бывших участников сражений и откровенные домыслы геббельсовской пропаганды приводит к тому, что на первый план выходят образы, связанные с мстостью, ненавистью и насилием, мало способствующие консолидации общественного мнения и воскрешающие прежние внешнеполитические установки. Постулируется наличие «темной стороны» освободительного подвига Красной Армии, которую якобы замалчивают в современной России»¹⁵.

«Научные» методы г-на Э.Бивора и К^о

В этом контексте мифология относительно массового изнасилования немецких женщин советскими военнослужащими якобы при отсутствии подобных фактов в зоне наступления западных союзников заняла особое место и активно обсуждалась западными СМИ. В частности, упомянутая книга Энтони Бивора «Падение Берлина, 1945» еще в 2002 г. вызвала целую серию скандальных публикаций¹⁶.

О «научной добросовестности» английского автора можно судить по конкретному примеру. Наибольший ажиотаж в западных СМИ вызвал следующий текст: «Наиболее шокирующими, с российской точки зрения, выглядят факты насилия советских солдат и офицеров, совершенные против украинских, русских и белорусских женщин и девушек, освобожденных из немецких рабочих лагерей»¹⁷ со ссылкой на мою книгу «Психология войны в XX веке. Исторический опыт России»¹⁸.

В монографии автора статьи читаем то, что косвенно можно отнести к вопросу, затронутому г-ном Бивором: «Мировоззренческие установки и проистекавшие из них нравственные и социально-психологические качества проявлялись и в отношении к врагу. Уже весной 1942 г. в одной из дивизионных газет Карельского фронта встречается очерк красноармейца под красноречивым заголовком «Мы научились ненавидеть». И эта справедливая ненависть была одним из доминирующих чувств в действующей Советской Армии на всем протяжении войны. Однако в зависимости от конкретного ее этапа и связанных с ним условий отношение к противнику приобретало различные оттенки. Так, новая, более сложная гамма чувств стала проявляться у советских солдат и офицеров в связи

с перенесением боевых действий за пределы нашей страны, на чужую, в том числе вражескую, территорию. Немало военнослужащих считало, что в качестве победителей они могут позволить себе все, в том числе и произвол в отношении мирного населения.

Негативные явления в армии-освободительнице наносили ощутимый урон престижу Советского Союза и его вооруженным силам, могли отрицательно повлиять на будущие взаимоотношения со странами, через которые проходили наши войска. Советскому командованию приходилось вновь и вновь обращать внимание на состояние дисциплины в войсках, вести с личным составом разъяснительные беседы, принимать особые директивы и издавать суровые приказы. Советский Союз должен был показать народам Европы, что на их землю вступила не «орда азиатов», а армия цивилизованного государства. Поэтому чисто уголовные преступления в глазах руководства СССР приобретали политическую окраску. В этой связи по личному указанию Сталина было устроено несколько показательных судебных процессов с вынесением смертных приговоров виновным, а органы НКВД регулярно информировали военное командование о своих мерах по борьбе с фактами разбоя в отношении мирного населения»¹⁹.

Ну и где здесь «факты насилия советских солдат и офицеров, совершенные против украинских, русских и белорусских женщин и девушек, освобожденных из немецких рабочих лагерей»? Может быть, г-н Бивор имел в виду, что об этом говорится в работе М.И.Семиряги²⁰, на которую я ссылаюсь? Но и там ничего подобного нет!

Однако на Западе заявления г-на Бивора рассматривают как абсолютно достоверные. Так, К.Эггерт в статье «Память и правда», написанной в 2005 г. для проекта Би-би-си к 60-летию окончания Второй мировой войны, писал: «Когда в 2002 году в Лондоне впервые вышла книга Энтони Бивора «Падение Берлина» (ныне она переведена в России издательством АСТ), российский посол в Великобритании Григорий Карасин написал гневное письмо в газету «Дейли телеграф». Дипломат обвинил известного военного историка в клевете на славный подвиг советских солдат. Причина? Бивор, основываясь на документах из главного военного архива в Подольске, рассказал, среди прочего, о бесчинствах, которые творили советские военнослужащие в освобождаемой Польше, Восточной Пруссии и в самом Берлине. Историки из Российской академии наук книгу «Падение Берлина» осудили едва ли не раньше посла. Между тем справочный аппарат книги Бивора в полном порядке: входящие и исходящие номера донесений, папка, полка и так далее. То есть во лжи писателя не обвинишь»²¹.

Но если столь явная подтасовка допущена в данном конкретном примере, где гарантии того, что и другие приведенные в книге г-на Бивора так называемые факты не сфабрикованы по той же самой «методике»? На этом нехитром расчете построены многие фальсификации: справочный аппарат выглядит солидно и убедительно, особенно для неискушенного читателя, а проверять в архиве и библиотеке каждую из 1007 авторских сносок вряд ли кто станет...

Впрочем, некоторые проверяют – и находят много интересного. Именно с легкой руки Бивора была запущена и впоследствии растиражирована в тысячах публикаций «точная статистика» – два миллиона изнасилованных немок, из них сто тысяч – в Берлине.

В своей книге он пишет: «Берлинцы помнят пронзительные крики по ночам, раздававшиеся в домах с выбитыми окнами. По оценкам двух главных берлинских госпиталей, число жертв изнасилованных советскими солдатами колеблется от девяноста пяти до ста тридцати тысяч человек. Один доктор сделал вывод, что только в Берлине было изнасиловано примерно сто тысяч женщин. Причем около десяти тысяч из них погибло в основном в результате самоубийства.

Число смертей по всей Восточной Германии, видимо, намного больше, если принимать во внимание миллион четыреста тысяч изнасилованных в Восточной Пруссии, Померании и Силезии. Представляется, что всего было изнасиловано порядка двух миллионов немецких женщин, многие из которых (если не большинство) перенесли это унижение по несколько раз»²².

При этом он ссылается на книгу Хельке Зандер и Барбары Йор «Освободители и освобожденные»²³, где подсчеты делаются на данных не «двух главных берлинских госпиталей», а одной детской клиники²⁴, т.е. «для добавления солидности» совершает вполне сознательное передергивание. Не говоря уже о том, что эти данные весьма сомнительны, так как система расчетов Барбары Йор, основанная на произвольной экстраполяции числа детей, чьими отцами названы русские, рожденных в 1945 и 1946 гг. и обследованных в одной берлинской клинике, на общее количество женского населения Восточной Германии в возрасте «от 8 до 80 лет», не выдерживает никакой критики²⁵. Результат такого «обобщения» единичных случаев подразумевает, что «каждая 6-я восточная немка вне зависимости от возраста была минимум один раз изнасилована красноармейцами»²⁶.

Но даже там, где Э.Бивор ссылается на реальные архивные документы, это ничего не доказывает. В Центральном архиве Министерства обороны РФ действительно хранятся материалы политотделов с донесениями, в которых собраны протоколы красноармейских, комсомольских и партийных собраний с описанием случаев девиантного поведения военнослужащих. Это пухлые папки, содержимое которых представляет собой сплошную чернуху. Но они и комплектовались именно «тематически», о чем свидетельствуют сами их названия: «Чрезвычайные происшествия и аморальные явления» за такой-то период в такой-то воинской части. Кстати, уже эти названия показывают, что такого рода явления рассматривались армейским руководством не как поведенческая норма, а как чрезвычайное событие, требующее принятия решительных мер.

Есть в архиве и материалы военных трибуналов – следственные дела, приговоры и пр., где можно найти множество негативных примеров, потому что именно там такая информация и сконцентрирована. Но дело в том, что виновные в этих преступлениях составляли не более 2% от общего числа военнослужащих. А авторы, подобные г-ну Бивору, распространяют свои обвинения на всю Советскую Армию в целом. К сожалению, не только зарубежные²⁷. Примечательно, что книга Бивора была переведена на русский язык и издана в России в 2004 г. – как раз накануне юбилея Победы.

В 2006 г. на русском языке выходит книга немецкого автора Иоахима Гофмана «Сталинская истребительная война (1941-1945 гг.). Планирование, осуществление, документы»²⁸, широко распространявшаяся за рубежом с середины 90-х годов и только в Германии выдержавшая четыре издания²⁹. При этом в предисловии к русскому изданию говорится, что данный труд «является одним из лучших исторических исследований «темных пятен» советско-германской войны», а его автор – «одним из наиболее ярких представителей направления западногерманской исторической науки, отстаивавшей постулат, что в 1941-1945 годах война велась между двумя преступными режимами: гитлеровской Германией и сталинским СССР».

Естественно, несколько глав посвящено последним месяцам войны под вполне определенным ракурсом, о чем свидетельствуют их названия: ««Ни пощады, ни снисхождения». Зверства Красной Армии при продвижении на немецкую землю», ««Горе тебе, Германия!» Злодеяния находят свое продолжение». Перечень литературы такого рода, возрождающей дух и букву геббельсовской пропаганды в новых исторических условиях, можно продолжать довольно долго³⁰.

Информационная война в электронных СМИ

Настоящая информационная война развернулась на просторах русскоязычного Интернета.

Так, в мае 2005 г. некий Ю.Нестеренко написал статью «День национального позора», инициировав бессрочную акцию «Антипобеда», в рамках которой распространяются «многочисленные свидетельства о чудовищных преступлениях советских ««воинов-освободителей» (нередко превосходивших по жестокости худшие деяния нацистов)»: «... Вместо того чтобы раздуть очередную пропагандистскую истерию и требовать от

изнасилованных благодарности за доставленное удовольствие, надо покончить с практикой многолетней лицемерной лжи и двойных стандартов, прекратить чествования служителей преступного режима и покаяться перед всеми, кто безвинно пострадал от действий «солдат-освободителей»³¹ – таков основной посыл организатора акции.

В мае 2009 г., также в канун Дня Победы появился провокационный пост А. Широпаева «Могила Неизвестного Насильника»³², выставяющий наших ветеранов насильниками-педофилами, который получил огромное количество комментариев и продолжительное время висел в топе Яндекса³³.

На «Википедии» многие страницы прямо или косвенно посвящены теме изнасилований в конце войны: «Насилие в отношении мирного населения Германии (1945 г.)», «Депортация немцев после Второй мировой войны», «Немецкое население в Восточной Пруссии после Второй мировой войны», «Убийство в Неммерсдорфе», «Падение Берлина. 1945» и др.

А радиостанция «Эхо Москвы» (2009 г.) в программе «Цена Победы» дважды проводила передачи на «болезненные темы» – «Вермахт и РККА против мирного населения» (16 февраля) и «Красная Армия на немецкой территории» (26 октября)³⁴, пригласив в студию Г.Бордюгова и скандально известного М.Солонина.

Наконец, в 2010 г., в год 65-летия Победы, поднялась очередная антироссийская волна, прокатившаяся по всей Европе и особенно заметная в Германии.

«Иногда в русском Интернете проскакивает жалостливая мысль, что немцы такие бедные, устали каяться, – пишет на «Правая.ру» А. Тюрин. – Волноваться не надо, даже при бундесканцлере-антифашисте Вилли Брандте Германия не извинилась за свои преступления, совершенные в России».

И делится с читателями своими наблюдениями: «Пока немецкий канцлер смотрела на Парад Победы, в Германии бушевала русофобская вакханалия. Русские, победившие Гитлера, были показаны ордой недочеловеков – вполне по лекалам Геббельса. Три дня подряд смотрел передачи по немецким государственным и коммерческим информационным каналам, посвященные окончанию Второй мировой войны в Европе и первым послевоенным неделям. Передач немало, как документальных, так и художественных. Общий лейтмотив такой. Американцы – гуманисты, кормильцы... Русские же – грабители и насильники. Тема преступлений вермахта против гражданского населения СССР отсутствует. Количество погибших советских людей в зоне немецко-румынско-финской оккупации не приводится.

Взяв Берлин, русские кормят бедных берлинцев плохо, доводят до дистрофии, зато тащат все подряд и насилуют. И тут характерен художественный телесериал «Одна женщина в Берлине»³⁵. (центральный канал ZDF). Русские показаны не армией, а ордой. На фоне тонких бледных одухотворенных немецких лиц эти ужасные русские морды, раззявленные рты, толстые щеки, сальные глазки, гадкие улыбочки...»³⁶.

Подобные пропагандистские клише, выплеснувшиеся в искусство, эмоционально воздействуют на зрителей, прочно закрепляются в массовом сознании, формируют не только искаженный «ретроспективный» взгляд на события Второй мировой войны, но и образ современной России и русских.

Общий лейтмотив этих нападок – попытка подмены «освобождения» «оккупацией», стремление представить освободительную миссию СССР в Европе как «новое порабощение» стран, оказавшихся в сфере советского влияния, обвинения не только в адрес СССР и Советской Армии, но и в адрес России как правопреемницы Советского Союза в насаждении тоталитарных режимов в Центральной и Восточной Европе, в преступлениях против гражданского населения, требования к ней «покаяться» и «возместить ущерб».

Границы ненависти, пределы мести

Однако мораль войны совершенно иная, нежели мораль мирного времени. И оценивать те события можно только в общем историческом контексте, не разделяя и уж тем более не подменяя причину и следствие. Нельзя ставить знак равенства между жертвой

агрессии и агрессором, особенно таким, целью которого было уничтожение целых народов. Фашистская Германия сама поставила себя вне морали и вне закона. Стоит ли удивляться актам стихийной мести со стороны тех, чьих близких она хладнокровно и методично уничтожала в течение нескольких лет самыми изощренными и изуверскими способами?

На протяжении Великой Отечественной войны тема возмездия была одной из центральных в агитации и пропаганде, а также в мыслях и чувствах советских людей. Задолго до того как армия приблизилась к вражеской границе, проходя по истерзанной оккупантами родной земле, видя замученных женщин и детей, сожженные и разрушенные города и деревни, советские бойцы клялись отомстить захватчикам сторицей и часто думали о том времени, когда вступят на территорию врага. И когда это произошло, были – не могли не быть! – психологические срывы, особенно среди тех, кто потерял свои семьи.

В январе-феврале 1945 г. советские войска развернули Висло-Одерскую и Восточно-Прусскую наступательные операции и вступили на немецкую землю. «Вот она, проклятая Германия!» – написал на одном из самодельных щитов около сгоревшего дома русский солдат, первым перешедший границу³⁷. День, которого так долго ждали, наступил. И на каждом шагу встречались советским воинам вещи с нашими фабричными клеймами, награбленные гитлеровцами; освобожденные из неволи соотечественники рассказывали об ужасах и издевательствах, которые испытали в немецком рабстве. Немецкие обыватели, которые поддержали Гитлера и приветствовали войну, беззастенчиво пользовались плодами грабежа других народов, не ожидали, что война вернется туда, откуда она началась – на территорию Германии. И теперь эти «гражданские» немцы, испуганные и заискивающие, с белыми повязками на рукавах, боялись смотреть в глаза, ожидая расплаты за все, что совершила их армия на чужой земле.

Жажда мести врагу «в его собственном логове» была одним из доминирующих настроений в войсках, тем более что оно долго и целенаправленно подпитывалось официальной пропагандой. Еще накануне наступления в боевых частях проводились митинги и собрания на тему «Как я буду мстить немецким захватчикам», «Мой личный счет мести врагу». Так, например, в докладе начальника политического управления Центральной группы войск генерал-лейтенанта С.Ф.Галаджева отмечалось: «В подготовительный период политорганы умело и широко использовали такое средство, как счет мести. Только в одной небольшой части был создан грозный счёт мести фашистским бандитам. Воины писали: «Мы мстим гитлеровцам за 775 убитых ими наших родственников; за 909 наших родных, угнанных на каторгу в Германию; за 478 сожженных домов и 303 разрушенных хозяйства»³⁸.

Однако после выхода нашей армии за государственную границу СССР у советского правительства появились соображения иного рода, диктовавшиеся планами на послевоенное устройство в Европе. Политическая оценка «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается», данная в Приказе № 55 Наркома обороны еще 23 февраля 1942 г., была активно взята на вооружение пропагандой и имела немалое значение для формирования новой (а в сущности, реанимированной старой, довоенной) психологической установки советских людей в отношении противника³⁹.

Но одно дело умом понимать эту очевидную истину, и совсем другое – стать выше своего горя и ненависти, не дать волю слепой жажде мести. Последовавшие в начале 1945 г. разъяснения политотделов о том, «как следует себя вести» на территории Германии, явились для многих неожиданностью и часто отвергались.

Закономерность ненависти к Германии со стороны вступавших на ее территорию советских войск понимали в то время и сами немцы. Вот что записал в своем дневнике 15 апреля 1945 г. о настроении берлинского населения 16-летний Дитер Борковский: «... В полдень мы отъехали в совершенно переполненном поезде городской электрички с Анхальтского вокзала. С нами в поезде было много женщин – беженцев из занятыми русскими восточных районов Берлина. Они тащили с собой все свое имущество: набитый рюкзак. Больше ничего. Ужас застыл на их лицах, злость и отчаяние наполняло людей! Еще никогда я не слышал таких ругательств...

Тут кто-то заорал, перекрывая шум: «Тихо!» Мы увидели невзрачного грязного солдата, на форме два железных креста и золотой Немецкий крест. На рукаве у него была нашивка с четырьмя маленькими металлическими танками, что означало, что он подбил 4 танка в ближнем бою.

«Я хочу вам кое-что сказать, – кричал он, и в вагоне электрички наступила тишина. «Даже если вы не хотите слушать! Прекратите ныть! Мы должны выиграть эту войну, мы не должны терять мужества. Если победят другие – русские, поляки, французы, чехи – и хоть на один процент сделают с нашим народом то, что мы шесть лет подряд творили с ними, то через несколько недель не останется в живых ни одного немца. Это говорит вам тот, кто шесть лет сам был в оккупированных странах!». В поезде стало так тихо, что было бы слышно, как упала шпилька»⁴⁰.

Руководство Советской Армии принимало суровые меры против насилий и бесчинств по отношению к немецкому населению, объявляя такого рода действия преступными и недопустимыми, а виновных в них лиц предавая суду военного трибунала вплоть до расстрела.

Так, выйдя на земли Восточной Пруссии, 21 января 1945 г. командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К.К.Рокоссовский издал приказ № 006, призванный «направить чувство ненависти людей на истребление врага на поле боя», карающий за мародерство, насилия, грабежи, бессмысленные поджоги и разрушения. Отмечалась опасность такого рода явлений для морального духа и боеспособности армии. 27 января такой же приказ издал командующий 1-м Украинским фронтом маршал И.С. Конев. 29 января во всех батальонах 1-го Белорусского фронта был зачитан приказ маршала Г.К. Жукова, который запрещал красноармейцам «притеснять немецкое население, грабить квартиры и сжигать дома». 20 апреля 1945 г. была принята специальная директива Ставки Верховного Главнокомандования о поведении советских войск в Германии⁴¹. И хотя «предотвратить случаи насилия полностью не удалось, но его сумели сдержать, а затем и свести до минимума»⁴².

На противоречия политических установок до и после вступления на вражескую территории обращали внимание и сами политработники. Об этом свидетельствует выступление 6 февраля 1945 г. начальника Политуправления 2-го Белорусского фронта генерал-лейтенанта А.Д. Огорокова на совещании работников отдела агитации и пропаганды фронта и Главпура РККА о морально-политическом состоянии советских войск на территории противника: «...Вопрос о ненависти к врагу. Настроение людей сейчас сводится к тому, что говорили, мол, одно, а теперь получается другое. Когда наши политработники стали разъяснять приказ № 006, то раздавались возгласы: не провокация ли это? В дивизии генерала Кустова при проведении бесед были такие отклики: «Вот это политработники! То нам говорили одно, а теперь другое!»

Конечно, наплыв чувств мести у наших людей огромный, и этот наплыв чувств привел наших бойцов в логово фашистского зверя и поведет дальше в Германию. Но нельзя отождествлять месть с пьянством, поджогами. Я сжег дом, а раненых помещать негде. Разве это месть? Я бессмысленно уничтожаю имущество. Это не есть выражение мести. Мы должны разъяснить, что все имущество, скот завоеваны кровью нашего народа, что все это мы должны вывезти к себе и за счет этого в какой-то мере укрепить экономику нашего государства, чтобы стать еще сильнее немцев... Здесь нам нужно будет исправить недостатки, направить чувство ненависти к врагу по правильному руслу»⁴³.

Пришлось немало потрудиться для изменения сформировавшейся ходом самой войны и предшествующей политической работы установки армии на месть Германии. Пришлось опять разводить в сознании людей понятия «фашист» и «немец».

«Политотделы ведут большую работу среди войск, объясняют, как надо вести себя с населением, отличая неисправимых врагов от честных людей, с которыми нам, наверное, еще придется много работать. Кто знает, может быть, еще придется им помогать восстанавливать все то, что разрушено войной, – писала весной 1945 г. работник штаба 1-й гвардейской танковой

армии Е.С.Катукова. – Сказать по правде, многие наши бойцы с трудом принимают эту линию тактичного обращения с населением, особенно те, чьи семьи пострадали от гитлеровцев во время оккупации. Но дисциплина у нас строгая. Наверное, пройдут годы, и многое изменится. Будем, может быть, даже ездить в гости к немцам, чтобы посмотреть на нынешние поля боев. Но многое до этого должно перегореть и перекипеть в душе, слишком близко еще все то, что мы пережили от гитлеровцев, все эти ужасы»⁴⁴.

Разного рода «чрезвычайные происшествия и аморальные явления» в частях наступающей Красной Армии тщательно фиксировались особыми отделами, военными прокурорами, политработниками, по возможности пресекались и строго наказывались. Впрочем, бесчинствовали в основном тыловики и обозники. Боевым частям было просто не до того – они воевали. Их ненависть выплескивалась на врага вооруженного и сопротивляющегося. А с женщинами и стариками «сражались» те, кто старался быть подальше от передовой.

Следует отметить, что многие солдаты и офицеры сами решительно боролись с грабежами и насилиями. Их пресечению способствовали и суровые приговоры военных трибуналов. По данным военной прокуратуры, «в первые месяцы 1945 г. за совершенные бесчинства по отношению к местному населению было осуждено военными трибуналами 4148 офицеров и большое количество рядовых. Несколько показательных судебных процессов над военнослужащими завершились вынесением смертных приговоров виновным»⁴⁵.

В то же время если мы обратимся к документам немецкой стороны, то увидим, что еще до начала войны против СССР было заранее объявлено, что «в борьбе с большевизмом нельзя строить отношения с врагом на принципах гуманизма и международного права»⁴⁶, тем самым изначально допускались любые нарушения международного права в будущих отношениях германских войск к мирному населению и советским военнопленным.

Как один из многочисленных примеров программных заявлений немецкого руководства процитируем Указ Гитлера как Верховного Главнокомандующего вермахта от 13 мая 1941 г. о военном судопроизводстве на войне с Советским Союзом: «За действия против вражеских гражданских лиц, совершенные военнослужащими вермахта и вольнонаемными, не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением или проступком... Судья предписывает преследование деяний против местных жителей в военно-судебном порядке лишь тогда, когда речь идет о несоблюдении воинской дисциплины или возникновении угрозы безопасности войск»⁴⁷.

В отношении немецкого населения или военнопленных советское руководство никогда не ставило перед своей армией такого рода задач. Следовательно, мы можем говорить именно о единичных (особенно по сравнению с действиями немецкой стороны) нарушениях международного права в ведении войны. Причем все эти явления были стихийными, а не организованными и со всей строгостью пресекались советским армейским командованием. И все же, как отмечал немецкий историк Рейнхард Рюруп, в терпящей поражение Германии «страх и ужас по отношению к советским войскам были распространены в значительно большей степени, чем в отношении англичан или американцев... Многие немцы более или менее определенно знали, что именно произошло в Советском Союзе, и поэтому опасались мести или расплаты той же монетой...», а публицист Э.Куби заявлял, что «советские солдаты могли бы вести себя и как «карающая небесная рать», руководствуясь одной лишь ненавистью к немецкому населению... Немецкий народ в действительности может считать себя счастливым – его не постигло правосудие»⁴⁸.

Говоря о масштабах изнасилований в зоне ответственности советских войск, следует привести отрывок из доклада военного прокурора 1-го Белорусского фронта о выполнении директивы Ставки ВГК № 11072 и Военного Совета 1-го Белорусского фронта № 00384 об изменении отношения к немецкому населению по состоянию на 5 мая 1945 г.: «Выполняя указания Военного Совета фронта, военная прокуратура фронта систематически следит за выполнением директив Ставки Верховного Главнокомандования и Военного Совета Фронта

об изменении отношения к немецкому населению. Приходится констатировать, что факты грабежей, насилий и прочих незаконных действий со стороны наших военнослужащих в отношении местного немецкого населения не только не прекратились, но даже в период с 22 апреля по 5 мая продолжали иметь довольно широкое распространение.

Я привожу цифры, характеризующие это положение по 7 армиям нашего фронта: общее количество бесчинств со стороны военнослужащих в отношении местного населения, зафиксированных по этим 7 армиям, 124, из них: изнасилований немецких женщин – 72, грабежей – 38, убийств – 3, прочих незаконных действий – 11»⁴⁹. Подчеркнем, что это данные по 7 армиям фронта, штурмующего Берлин, в самый разгар городских боев, то есть 908,5 тыс. человек личного состава на начало Берлинской операции, из числа которых 37,6 тыс. составили безвозвратные и 141,9 тыс. санитарные потери⁵⁰, – и лишь 72 случая изнасилований за две недели! Учитывая, что в дальнейшем число изнасилований и «прочих бесчинств», согласно материалам военной прокуратуры и трибуналов, пошло на снижение, цифра в 100 тыс. жителей Берлина, подвергшихся «надругательствам советских варваров», мягко говоря, не выгнцовывается. Не говоря уже о двух миллионах...

При этом по свидетельству Осмара Уайта, действия советской администрации по налаживанию жизни немецкого гражданского населения (сразу после завершения боев!) были куда эффективнее, чем у ее западных коллег. «В конце первого дня моего пребывания в Берлине, – записал он в своем дневнике, – я был уверен, что город мертв. Человеческие существа не могли жить в этой ужасающей гряде мусора.

К концу первой недели мои представления начали меняться. Общество стало оживать среди развалин. Берлинцы начали получать пищу и воду в количествах, достаточных для того, чтобы выжить. Все больше и больше людей были заняты на общественных работах, проводимых под руководством русских.

Благодаря русским, имеющим большой опыт борьбы с подобными проблемами в своих собственных опустошенных городах, распространение эпидемий было поставлено под контроль.

Я убежден в том, что Советы в те дни сделали больше для того, чтобы дать Берлину выжить, чем смогли бы сделать на их месте англо-американцы.

Русские методы поддержания порядка и достижения результатов в самом существенном не имели такого сдерживающего фактора, как прекраснодушие. Они понимали психологию массы и знали, что чем быстрее берлинцы вдохнутся идеей помочь самим себе, тем лучше будет для всех. Через несколько дней после капитуляции они поддержали идею выпуска газет. Затем восстановили радиовещание, разрешили организацию развлекательных мероприятий и объявили, что утвердят создание профсоюзов и демократических политических партий...»⁵¹.

Далее он пишет, акцентируя внимание на реакции самих немцев: «Радио, газеты, политика, концерты... Русские мудро подпитывали возрождение в пустыне отчаяния. Они проявили великодушие к последователям чудовища, лежавшего в своей берлоге под горами щелью. Но берлинцы не смотрели на мир так, как этого хотелось бы русским. Везде был слышен шепот: «Слава Богу, что вы – британцы и американцы – пришли сюда. Русские – это животные, они отобрали у меня все, что было... они насилюют, воруют и расстреливают...»⁵².

Женщины освобожденной Европы глазами советских солдат и офицеров

В ходе продвижения на Запад и неизбежных разнообразных контактов с местным населением, советские военнослужащие, никогда ранее не бывавшие за пределами собственной страны, получили немало новых, весьма противоречивых впечатлений о представителях других народов и культур, из которых в дальнейшем складывались этнопсихологические стереотипы восприятия ими европейцев. Среди этих впечатлений важнейшее место занимал образ европейских женщин. Упоминания, а то и подробные

рассказы о них встречаются в письмах и дневниках, на страницах воспоминаний многих участников войны, где чаще всего чередуются лиричные и циничные оценки и интонации.

Первой европейской страной, в которую в августе 1944 г. вступила Красная Армия, была Румыния. В «Записках о войне» поэта-фронтовика Бориса Слуцкого мы находим весьма откровенные строки: «Внезапная, почти столкнутая в море, открывается Констанца. Она почти совпадает со средней мечтой о счастье и о «после войны». Рестораны. Ванные. Кровати с чистым бельем. Лавки с рептильными продавцами. И – женщины, нарядные городские женщины – девушки Европы – первая дань, взятая нами с побежденных...»⁵³ Далее он описывает свои первые впечатления от «заграницы»: «Европейские парикмахерские, где мылят пальцами и не моют кисточки, отсутствие бани, умывание из таза, «где сначала грязь с рук остается, а потом лицо моют», перины вместо одеял – из отвращения вызываемого бытом, делались немедленные обобщения... В Констанце мы впервые встретились с борделями... Первые восторги наших перед фактом существования свободной любви быстро проходят. Сказывается не только страх перед заражением и дороговизна, но и презрение к самой возможности купить человека... Многие гордились былями типа: румынский муж жалуется в комендатуру, что наш офицер не уплатил его жене договоренные полторы тысячи лей. У всех было отчетливое сознание: «У нас это невозможно» ... Наверное, наши солдаты будут вспоминать Румынию как страну сифилитиков...»⁵⁴. И делает вывод, что именно в Румынии, этом европейском захолустье, «наш солдат более всего ощущал свою возвышенность над Европой»⁵⁵.

Другой советский офицер, подполковник ВВС Федор Смольников 17 сентября 1944 г. записал в своем дневнике впечатления о Бухаресте: «Гостиница Амбасадор, ресторан, нижний этаж. Я вижу, как гуляет праздная публика, ей нечего делать, она выжидает. На меня смотрят как на редкость. «Русский офицер!!!» Я очень скромно одет, больше, чем скромно. Пусть. Мы все равно будем в Будапеште. Это так же верно, как то, что я в Бухаресте. Первокласный ресторан. Публика разодета, красивейшие румынки лезут глазами вызывающе. Ночуем в первокласной гостинице. Бурлит столичная улица. Музыка нет, публика ждет. Столица, черт ее возьми! Не буду поддаваться рекламе...»⁵⁶

В Венгрии советская армия столкнулась не только с вооруженным сопротивлением, но и с коварными ударами в спину со стороны населения, когда «убивали по хуторам пьяных и отставших одиночек» и топили в силосных ямах. Однако «женщины, не столь развращенные, как румынки, уступали с постыдной легкостью... Немножко любви, немножко беспутства, а больше всего, конечно, помог страх»⁵⁷. Приводя слова одного венгерского адвоката «Очень хорошо, что русские так любят детей. Очень плохо, что они так любят женщин», Борис Слуцкий комментирует: «Он не учитывал, что женщины-венгерки тоже любили русских, что наряду с темным страхом, раздвигавшим колени матрон и матерей семейств, были ласковость девушек и отчаянная нежность солдаток, отдававшихся убийцам своих мужей»⁵⁸. Для воспитанных в патриархальных русских традициях бойцов культурным шоком оказались местные обычаи, согласно которым «девушка, прежде чем войти в брак, с одобрения родителей может испытать близость со многими мужчинами». «У нас говорят: кошку в завязанном мешке не покупают»⁵⁹, – откровенничали сами венгры.

У молодых, физически здоровых мужчин была естественная тяга к женщинам. Но легкость европейских нравов кого-то из советских бойцов развращала, а кого-то, напротив, убеждала в том, что отношения не должны сводиться к простой физиологии. Сержант Александр Родин записал свои впечатления о посещении – из любопытства! – публичного дома в Будапеште, где его часть стояла какое-то время после окончания войны: «...После ухода возникло отвратительное, постыдное ощущение лжи и фальши, из головы не шла картина явного, откровенного притворства женщины... Интересно, что подобный неприятный осадок от посещения публичного дома остался не только у меня, юнца, воспитанного к тому же на принципах типа «не давать поцелуя без любви, но и у большинства наших солдат, с кем приходилось беседовать... Примерно в те же дни мне пришлось беседовать с одной красивенькой мадьяркой (она откуда-то знала русский язык). На ее вопрос, понравилось ли мне

в Будапеште, я ответил, что понравилось, только вот смущают публичные дома. «Но – почему?» – спросила девушка. Потому что это противоестественно, дико, – объяснял я: – женщина берет деньги и следом за этим, тут же начинает «любить!» Девушка подумала какое-то время, потом согласно кивнула и сказала: «Ты прав: брать деньги *вперёд* некрасиво...»⁶⁰

Иные впечатления оставила о себе Польша. По свидетельству поэта Давида Самойлова, «...в Польше держали нас в строгости. Из расположения улизнуть было сложно. А шалости сурово наказывались»⁶¹. И приводит впечатления от этой страны, где единственным позитивным моментом выступала красота польских женщин. «Не могу сказать, что Польша сильно понравилась нам, – писал он. – Тогда в ней не встречалось мне ничего шляхетского и рыцарского. Напротив, все было мещанским, хуторянским – и понятия, и интересы. Да и на нас в восточной Польше смотрели настороженно и полувраждебно, стараясь содрать с освободителей что только возможно. Впрочем, женщины были утешительно красивы и кокетливы, они пленяли нас обхождением, воркующей речью, где все вдруг становилось понятно, и сами пленялись порой грубоватой мужской силой или солдатским мундиром. И бледные отощавшие их прежние поклонники, скрипя зубами, до времени уходили в тень...»⁶².

Другой фронтовик, Александр Родин вспоминал: «Поражало жизнелюбие поляков, переживших ужасы войны и немецкой оккупации. Воскресный день в польском селе. Красивые, элегантные, в шелковых платьях и чулках женщины-польки, которые в будни – обычные крестьянки, сгребают навоз, босые, неутомимо работают по хозяйству. Пожилые женщины тоже выглядят свежо и молодо. Хотя есть и черные рамки вокруг глаз...»⁶³ Далее он цитирует свою дневниковую запись от 5 ноября 1944 г.: «Воскресенье, жители все разодеты. Собираются друг к другу в гости. Мужчины в фетровых шляпах, галстуках, джемперах. Женщины в шелковых платьях, ярких, неношенных чулках. Розовощекие девушки – «паненки». Красиво завитые белокурые прически... Солдаты в углу хаты тоже оживлены. Но кто чуткий, заметит, что это – болезненное оживление. Все повышено громко смеются, чтобы показать, что это им нипочем, даже ничуть не задевает и не завидно ничуть. А что мы, хуже их? Черт ее знает, какое это счастье – мирная жизнь! Ведь совсем не видел ее на гражданке!»⁶⁴ Его однополчанин сержант Николай Нестеров в тот же день записал в своем дневнике: «Сегодня выходной, поляки, красиво одетые, собираются в одной хате и сидят парочками. Даже как-то не по себе становится. Разве я не сумел бы посидеть так?..»⁶⁵

В Австрии, куда советские войска ворвались весной 1945 г., они столкнулись с «повальной капитуляцией»: «Целые деревни оглавлились белыми тряпками. Пожилые женщины поднимали кверху руки при встрече с человеком в красноармейской форме»⁶⁶. Именно здесь, по словам Б.Слуцкого, солдаты «дорвались до белобрысых баб». При этом «австрийки не оказались чрезмерно неподатливыми»: большинство деревенских девушек вели интимную жизнь до брака, а горожанки традиционно отличались легкомыслием и, как утверждали сами австрийки, «галантности достаточно, чтобы добиться у венки всего, чего хочется»⁶⁷.

И вот наконец Германия. И женщины врага – матери, жены, дочери, сестры тех, кто с 1941-го по 1944-й год глумился над гражданским населением на оккупированной территории СССР. Какими же увидели их советские военнослужащие? Внешний вид немки, идущих в толпе беженцев, описан в дневнике Владимира Богомолова: «Женщины – старые и молодые – в шляпках, в платках тюрбаном и просто навесом, как у наших баб, в нарядных пальто с меховыми воротниками и в трепаной, непонятного покроя одежде. Многие женщины идут в темных очках, чтобы не шуриться от яркого майского солнца и тем предохранить лицо от морщин...»⁶⁸

Как же вели себя немки при встрече с советскими войсками? В донесении зам. начальника Главного Политического управления Красной Армии Шикина в ЦК ВКП(б) Г.Ф.Александрову от 30 апреля 1945 г. об отношении гражданского населения Берлина к личному составу войск Красной Армии говорилось: «Как только наши части занимают тот или иной район города, жители начинают постепенно выходить на улицы, почти все они

имеют на рукавах белые повязки. При встрече с нашими военнослужащими многие женщины поднимают руки вверх, плачут и трясутся от страха, но как только убеждаются в том, что бойцы и офицеры Красной Армии совсем не те, как им рисовала их фашистская пропаганда, этот страх быстро проходит, все больше и больше населения выходит на улицы и предлагает свои услуги, всячески стараясь подчеркнуть свое лояльное отношение к Красной Армии»⁶⁹.

Наибольшее впечатление на победителей произвела покорность и расчетливость немцев. В этой связи стоит привести рассказ минометчика Н.А. Орлова: «Зашли в какой-то немецкий город, разместились в домах. Появляется «фрау», лет 45-ти и спрашивает «гера коменданта». . . Она заявляет, что является ответственной по кварталу, и собрала 20 немецких женщин для сексуального (!!!) обслуживания русских солдат. . . Реакция наших офицеров была гневной и матерной. Немку прогнали, вместе с ее готовым к обслуживанию «отрядом». Вообще немецкая покорность нас ошеломила. Ждали от немцев партизанской войны, диверсий. Но для этой нации порядок – «Орднунг» – превыше всего. Если ты победитель – то они «на задних лапках», причем осознанно и не по принуждению. Вот такая психология. . .»⁷⁰.

Аналогичный случай приводит в своих военных записках Давид Самойлов: «В Арендсфельде, где мы только что расположились, явилась небольшая толпа женщин с детьми. Ими предводительствовала огромная усатая немка лет пятидесяти – фрау Фридрих. Она заявила, что является представительницей мирного населения и просит зарегистрировать оставшихся жителей. Мы ответили, что это можно будет сделать, как только появится комендатура.

- Это невозможно, – сказала фрау Фридрих. – Здесь женщины и дети. Их надо зарегистрировать.

Мирное население воплем и слезами подтвердило ее слова.

Не зная, как поступить, я предложил им занять подвал дома, где мы разместились. И они успокоенные спустились в подвал и стали там размещаться в ожидании властей.

- Герр комиссар, – благодушно сказала мне фрау Фридрих (я носил кожаную куртку). – Мы понимаем, что у солдат есть маленькие потребности. Они готовы, – продолжала фрау Фридрих, – выделить им нескольких женщин помоложе для. . .

Я не стал продолжать разговор с фрау Фридрих»⁷¹.⁷²

После общения с жительницами Берлина 2 мая 1945 г. Владимир Богомолов записал в дневнике: «Входим в один из уцелевших домов. Все тихо, мертво. Стучим, просим открыть. Слышно, что в коридоре шепчутся, глухо и взволнованно переговариваются. Наконец дверь открывается. Сбившиеся в тесную группу женщины без возраста испуганно, низко и угодливо кланяются. Немецкие женщины нас боятся, им говорили, что советские солдаты, особенно азиаты, будут их насиловать и убивать. . . Страх и ненависть на их лицах. Но иногда кажется, что им нравится быть побежденными, – настолько предупредительно их поведение, так умильны их улыбки и сладки слова. В эти дни в ходу рассказы о том, как наш солдат зашел в немецкую квартиру, попросил напиться, а немка, едва его завидела, легла на диван и сняла трико»⁷³.

«Все немки развратны. Они ничего не имеют против того, чтобы с ними спали»⁷⁴, – такое мнение бытовало в советских войсках и подкреплялось не только многими наглядными примерами, но и их неприятными последствиями, которые вскоре обнаружили военные медики.

Директива Военного Совета 1-го Белорусского фронта № 00343/Ш от 15 апреля 1945 г. гласила: «За время пребывания войск на территории противника резко возросли случаи венерических заболеваний среди военнослужащих. Изучение причин такого положения показывает, что среди немцев широко распространены венерические заболевания. Немцы перед отступлением, а также сейчас, на занятой нами территории, стали на путь искусственного заражения сифилисом и триппером немецких женщин, с тем, чтобы создать

крупные очаги для распространения венерических заболеваний среди военнослужащих Красной Армии»⁷⁵.

Военный совет 47-й армии 26 апреля 1945 г. сообщал, что «...В марте месяце число венерических заболеваний среди военнослужащих возросло по сравнению с февралем с.г. в четыре раза. ... Женская часть населения Германии в обследованных районах поражена на 8-15%. Имеются случаи, когда противником специально оставляются больные венерическими болезнями женщины-немки для заражения военнослужащих»⁷⁶.

Практичных немцев больше всего волновал вопрос о снабжении продовольствием, ради него они готовы были буквально на все. Так, некий доктор медицины Калистурх в разговоре со своими коллегами по вопросу отношения Красной Армии к немецкому населению заявил: «Нельзя скрывать, что я лично видел нехорошее отношение отдельных русских солдат к нашим женщинам, но я говорил, что в этом виновата война, а самое главное то, что наши солдаты и особенно эсэсовцы вели себя по отношению к русским женщинам гораздо хуже. – и тут же без перехода добавил: – Меня очень волновал продовольственный вопрос...»⁷⁷.

Общее впечатление от европейских женщин, сложившееся у советских военнослужащих, – холёные и нарядные (в сравнении с измученными войной соотечественницами в полуголодном тылу, на освобожденных от оккупации землях, да и с одетыми в застиранные гимнастерки фронтовыми подругами), доступные, корыстные, распущенные либо трусливо покорные. Исключением стали югославки и болгарки. Суровые и аскетичные югославские партизанки воспринимались как товарищи по оружию и считались неприкосновенными. А учитывая строгость нравов в югославской армии, «партизанские девушки, наверное, смотрели на ППЖ [походно-полевых жен], как на существа особенного, скверного сорта»⁷⁸. О болгарках Борис Слуцкий вспоминал так: «...После украинского благодущия, после румынского разврата суровая недоступность болгарских женщин поразила наших людей. Почти никто не хвастался победами... Позже болгары гордились, когда им рассказывали, что русские собираются вернуться в Болгарию за невестами – единственными в мире, оставшимися чистыми и нетронутыми»⁷⁹. Приятное впечатление оставили о себе чешские красавицы, радостно встречавшие советских солдат-освободителей: их дружелюбие и радушие было вполне искренним⁸⁰.

Но в остальных странах, через которые прошла армия победителей, женская часть населения не вызывала к себе уважения. «В Европе женщины сдались, изменили раньше всех... – писал Б.Слуцкий. – Меня всегда потрясала, сбивала с толку, дезориентировала легкость, позорная легкость любовных отношений. Порядочные женщины, безусловно, бескорыстные, ходили на проститутку – торопливой доступностью, стремлением избежать промежуточные этапы, неинтересом к мотивам, толкающим мужчину на сближение с ними...»⁸¹.

В целом следует признать, что образ европейских женщин, сформировавшийся у воинов Красной армии в 1944-1945 гг., за редким исключением, оказался весьма далек от страдальческой фигуры с закованными в цепи руками, с надеждой взирающей с советского плаката «Европа будет свободной!».

Поведение союзников: «женщины как добыча»

На Западе постоянно муссируется тезис о «бесчинствах» Красной Армии на занятой ею территории Германии. Между тем документы показывают, что в западных зонах оккупации отнюдь не было той идиллии, образ которой сегодня внушается немецкому, да и всему западному сознанию. Радиообращение Эйзенхауэра «Мы приходим победителями!» вполне четко подразумевало и «право победителей», и «горе побежденным».

В докладе 7-го отделения Политотдела 61-й армии 1-го Белорусского фронта от 11 мая 1945 г. «О работе американской армии и военных властей среди немецкого населения» сообщалось: «Американским солдатам и офицерам запрещено общаться с местным населением. Этот запрет, однако, нарушается. За последнее время было до 100 случаев изнасилования, хотя за изнасилование получается расстрел»⁸².

Особенно отличились негритянские части.

В конце апреля 1945 г. немецкий коммунист Ганс Эндрецкий, освобожденный из тюрьмы западными союзниками, сообщал о положении в зоне Германии, оккупированной американскими войсками: «Большая часть оккупационных войск в районе Эрлангена до Бамберга и в самом Бамберге были негритянские части. Эти негритянские части расположились, главным образом, в тех местах, где оказывалось большое сопротивление. Мне рассказывали о таких бесчинствах этих негров, как ограбление квартир, отнятие предметов украшения, разорение жилых помещений и нападения на детей.

В Бамберге перед зданием школы, где были расквартированы эти негры, лежали три расстрелянных негра, которые несколько времени тому назад были расстреляны военно-полицейским патрулем за то, что напали на детей. Но также и белые регулярные американские войска проделывали подобные бесчинства...»⁸³. О.А. Ржешевский приводит данные, согласно которым в армии США, где после вступления на территорию Германии резко возросло число изнасилований, за это преступление и за убийства было казнено 69 чел.⁸⁴

Интересные свидетельства оставил австралийский военный корреспондент Осмар Уайт, который в 1944-1945 гг. находился в Европе в рядах 3-й американской армии под командованием Джорджа Патона. Его дневники и газетные статьи легли в основу книги «Дорога победителя: свидетельство очевидца Германии 1945 года» (Conquerors' Road: An Eyewitness Account of Germany 1945)⁸⁵, где приводится много нелестных характеристик поведению американских солдат в побежденной Германии. Книга была написана еще в 1945 г., но тогда издатели отказались от ее публикации из-за содержащейся в ней критики оккупационной политики союзников. Она увидела свет лишь в конце XX в.

В ней О.Уайт, в частности, писал: «После того как боевые действия переместились на немецкую землю, солдатами фронтовых частей и теми, кто следовал непосредственно за ними, было совершено немало изнасилований. Количество их зависело от отношения к этому старших офицеров. В некоторых случаях личности нарушителей были установлены, они были отданы под суд и наказаны. Юристы держались скрытно, но признавали, что за жестокие и извращенные половые акты с немецкими женщинами некоторые солдаты были расстреляны (особенно в тех случаях, когда это были негры). Однако я знал, что многие женщины были изнасилованы и белыми американцами. Никаких акций против преступников предпринято не было»⁸⁶.

И далее – подробно, с деталями, с приведением мнений самих немецких женщин:

«На одном участке фронта один довольно заслуженный командующий остроумно заметил: «Совокупление без беседы не является братанием!» Другой офицер как-то сухо заметил по поводу приказа о недопустимости «братания»: «Определенно, это впервые в истории, когда серьезное усилие прилагается для того, чтобы лишить солдат права на женщин в побежденной стране».

Вероятно, наиболее заслуживающая доверия характеристика ситуации была дана интеллигентной австрийкой средних лет из Бад-Хомбурга: «Разумеется, солдаты берут женщин... После оккупации этого города на протяжении многих ночей нас будили солдаты, стуча в двери и требуя Frauen. Иногда они врывались в дом силой. Иногда женщинам удавалось спрятаться или убежать». Я спросил ее, знала ли она женщин, которых и в самом деле изнасиловали.

Она задумалась на мгновение и ответила: «Нет, не думаю, что это случалось часто. Вы должны помнить, что сейчас, в отличие от тех времен, когда нацистские идеи еще не получили распространения, немецких женщин не ужасает мысль о том, что мужчина может применить к ним насилие. Они боятся, это правда. Но они больше боятся того, что их избыют, чем то, что их изнасилуют. Сами увидите. Если ваши солдаты будут достаточно терпеливы, они увидят, что немецкие женщины довольно покорны».

«Запрет на братание» (no-fraternisation rule), провозглашенный сразу же после вступления американцев на немецкую территорию, так никогда и не действовал. Он был

абсурдно искусственным, и ввести его в действие было просто невозможно. Первоначально он был направлен на предотвращение сожительства британских и американских солдат с немецкими женщинами. Но как только закончились бои и войска были размещены по местам постоянной дислокации, значительное количество офицеров и солдат, особенно из состава военной администрации, начало завязывать с немецкими женщинами отношения всех категорий – от хождения к проституткам, до нормальных и благородных романов...

После нескольких убогих и бессмысленных военных судов над козлами отпущения «запрет на братание» превратился в пустой звук. Насколько я знаю, солдаты из американской дивизии, которая освободила Бухенвальд в апреле, спали с немками уже к концу мая. Они сами хвастались этим. Когда лагерь расчистили и превратили в центр для перемещенных лиц, ряды бараков, в которых сотни восточноевропейцев умерли от голода и болезней, были обставлены награбленной в Веймаре мебелью и превращены в бордель. Он процветал и снабжал лагерь бесчисленными консервами и сигаретами»⁸⁷.

А вот свидетельство одной из немецких женщин о поведении французов: «Когда же в мае 1945 года война окончилась, появились «освободители» – это были молодые французские офицеры, – то от радостного ощущения конца войны сразу же не осталось и следа. Многие женщины подверглись нападению и были изнасилованы. Так начался мир!»⁸⁸

В вышедшей в 1946 г. в США брошюре Остина Эппа «Изнасилование женщин завоеванной Европы»⁸⁹ приводятся несколько сообщений американской и английской прессы:

«Джон Дос Пассос в журнале Life от 7 января 1946 г. цитирует «краснощекого майора», заявляющего, что «похоть, виски и грабеж – награда для солдата». Один военнослужащий писал в журнале Time от 12 ноября 1945 г.: «Многие нормальные американские семьи пришли бы в ужас, если бы они узнали, с какой полнейшей бесчувственностью ко всему человеческому «наши ребята» вели себя здесь...»

Военный американский связист Эдвард Уайз в своем дневнике писал: «Перебрались в Оберхунден. Цветные ребята устроили здесь черт-те что. Они подожгли дома, резали всех подряд немцев бритвами и насиловали».

Армейский сержант писал: «И наша армия и британская армия... внесли свою долю в грабежи и изнасилования... Хотя эти преступления не являются характерными для наших войск, однако их процент достаточно велик, чтобы дать нашей армии зловещую репутацию, так что и мы тоже можем считаться армией насильников»⁹⁰.

Дневной рацион немцев, установленный западными оккупационными властями, был ниже, чем американский завтрак. Поэтому не случайной выглядит запись, характеризующая военную проституцию:

«5 декабря 1945 г. «Christian Century» сообщал: «Американский начальник военной полиции подполковник Джеральд Ф. Бин сказал, что изнасилования не являются проблемой для военной полиции, поскольку немного еды, плитка шоколада или кусок мыла делают изнасилование излишним. Задумайтесь над этим, если вы хотите понять положение в Германии».

По сообщению журнала «Тайм» от 17 сентября 1945 года, правительство поставляло солдатам примерно 50 миллионов презервативов в месяц с живописными иллюстрациями по их использованию. Фактически солдатам говорилось: «Преподайте этим немцам урок, – и приятно проведите время!»...

Автор одной из статей в «New York World Telegram» от 21 января 1945 г. констатировал: «Американцы смотрят на немцев как на добычу, подобно фотоаппаратам и Люгерам».

Д-р Г. Стюарт в медицинском отчете, представленном генералу Эйзенхауэру, сообщал, что за первые шесть месяцев американской оккупации уровень венерических заболеваний возрос в двадцать раз по сравнению с уровнем, который был прежде в Германии»⁹¹.

«Райская жизнь» в западной зоне оккупации оказалась такова, что даже запуганные пропагандой о русских зверствах беженцы постепенно возвращались в районы, занятые советскими войсками. Так, в докладе И.Серова Л.Берии от 4 июня 1945 г. о проведенной работе за май месяц по обеспечению населения г. Берлина говорилось: «Путем опроса возвращающихся берлинцев установлено, что немцы, проживающие на территории союзников, подвергаются жестокому обращению английских и американских войск, в связи с чем они возвращаются на нашу территорию. Кроме того, немецкое население, проживая на территории союзников, уже испытывает голод в снабжении продовольствием»⁹². Далее И.Серов сообщает, что в течение месяца с момента занятия советскими войсками Берлина в город вернулось около 800 тыс. человек, бежавших с отступавшими германскими частями, в результате чего число его жителей увеличилось до 3 млн. 100 тыс. чел., и что «снабжение населения хлебом проводится регулярно, по установленным нормам, и никаких перебоев за это время не было»⁹³.

Неслучайно первый бургомистр Боннака (район Лихтенберг) заявил, комментируя введенные русским командованием нормы питания для жителей Берлина: «Все говорят, что такие высокие нормы нас поразили. Особенно высокие нормы на хлеб. Каждый понимает, что мы не можем претендовать на такое питание, которое установлено русским командованием, поэтому с приходом Красной Армии мы ждали голодной смерти и отправку оставшихся в живых в Сибирь. Ведь это поистине великодушие, когда мы на деле убедились, что установленные сейчас нормы являются выше, чем даже при Гитлере...

Население опасается только одного – не перейдут ли эти районы американцам и англичанам. Это будет крайне неприятно. От американцев и англичан ждать хорошего ничего не приходится»⁹⁴.

Житель города Гофман в разговоре с соседями высказался так: «Из рассказов прибывающих в Берлин немцев с территории, занятой союзниками, известно, что они очень плохо относятся к немцам, избивают плетками женщин. Русские лучше, они хорошо обращаются с немцами и дают питание. Я желаю, чтобы в Берлине были только русские»⁹⁵. О том же на основе собственного опыта в кругу соседок говорила и вернувшаяся в Берлин немка Эда: «На территории, занятой союзниками, немцам живется очень трудно, так как отношение плохое – часто бьют палками и плетками. Мирным жителям разрешается ходить только в установленное время. Питания не дают. Очень многие немцы пытаются перейти на территорию, занятую Красной Армией, но их не пускают. Очень было бы хорошо, чтобы в Берлине были только русские»⁹⁶.

Охота за трофеями

Западные союзники не только насильствовали женщин и держали население на голодном пайке, но и занимались грабежом, мародерством, охотой за трофеями. Свидетельства об их поведении в Германии встречаются во многих немецких мемуарах.

Например, обер-ефрейтор Кописке вспоминал: «Мы вышли к деревне Мекленбург... Там я увидел первых «томми» – трех ребят с легким ручным пулеметом, видимо, пулеметное отделение. Они лениво развалились на копне сена и даже не проявили интереса ко мне. Пулемет стоял на земле. Повсюду толпы народа шли на запад, некоторые даже на повозках, но англичанам это явно было до лампочки. Один на губной гармошке наигрывал песенку «Лили Марлен». Это был только передовой отряд. Либо они просто больше не брали нас в расчет, либо у них было какое-то свое, особое представление о ведении войны.

Чуть дальше, на железнодорожном переезде перед самой деревней, нас встретил «пост по сбору оружия и часов». Я думал, что мне это снится: цивилизованные, благополучные англичане отбирают часы у заросших грязью немецких солдат! Оттуда нас отправили на школьный двор в центре деревни. Там уже собралось немало немецких солдат. Охранявшие нас англичане катали между зубов жевательную резинку – что было для нас в новинку – и хвалились друг перед другом своими трофеями, высоко вскидывая руки, униженные наручными часами»⁹⁷.

Про трофейные часы у союзников вспоминают и наши мемуаристы.

Вот что наблюдал Н.Н.Никулин в конце мая 1945 г. в поверженном Берлине: «У Бранденбургских ворот возникла огромная барахолка, на которой шла любая валюта и можно было купить все: костюм, пистолет, жратву, женщину, автомашину. Я видел, как американский полковник прямо из джипа торговал часами, развесив их на растопыренных пальцах...»⁹⁸

Американская «охота за трофеями» отражена и в мемуарах Осмара Уайта: «Победа подразумевала право на трофеи. Победители отбирали у врага все, что им нравилось: выпивку, сигары, фотоаппараты, бинокли, пистолеты, охотничьи ружья, декоративные мечи и кинжалы, серебряные украшения, посуду, меха. Этот вид грабежа назывался «освобождением» или «взятием сувениров». Военная полиция не обращала на это внимания до той поры, пока хищные освободители (обычно солдаты вспомогательных частей и транспортники) не начали красть дорогие машины, антикварную мебель, радиоприемники, инструменты и другое промышленное оборудование и придумывать хитрые методы контрабандной доставки краденого на побережье с тем, чтобы потом переправить это в Англию. Только после окончания боев, когда грабеж превратился в организованный криминальный рэкет, военное командование вмешалось и установило закон и порядок. До того солдаты брали, что хотели, и немцам при этом приходилось несладко»⁹⁹.

Для сравнения приведем свидетельства с советской стороны.

19 февраля 1945 г., находясь на границе с Германией, военнослужащая М.Анненкова писала подруге: «Верочка, останусь жива, то, как поеду к тебе, постараюсь привезти подарок с какой-нибудь Гретхен. Рассказывают, которые уже воевали, немцы все оставляют...»¹⁰⁰

«Фриц бежит, все свое бросает, – писала родным 20 февраля 1945 г. из действующей армии В. Герасимова. – Невольно вспоминается 41-й год. В квартирах все оставлено – шикарная обстановка, посуда и вещи. Наши солдаты теперь имеют право посылать посылки, и они не теряются. Я уже писала, что мы были в барских домах, где жили немецкие бароны. Они бежали, оставляя все свое хозяйство. А мы питаемся и поправляемся за их счет. У нас нет недостатка ни в свинине, ни в пище, ни в сахаре. Мы уже заелись и нам не все хочется кушать. Теперь перед нами будет Германия, и вот иногда встречаются колонны фрицев, как будто чем-то прибитых, с котомками за плечами. Пусть на себе поймут, как это хорошо. Иногда встречаются и наши, возвращающиеся на Родину люди. Их сразу можно узнать. И вот невольно сравниваешь 41-й год с 45-м и думаешь, что этот 45-й должен быть завершающим»¹⁰¹.

24 февраля 1945 г. Г.Ярцева писала с фронта: «... если б была возможность, можно б было выслать чудесные посылки их трофейных вещей. Есть кое-что. Это бы нашим разутым и раздетым. Какие города я видела, каких мужчин и женщин. И глядя на них, тобой овладевает такое зло, такая ненависть! Гуляют, любят, живут, а их идешь и освобождаешь. Они же смеются над русскими – "Швайн!" Да, да! Сволочи... Не люблю никого, кроме СССР, кроме тех народов, кои живут у нас. Не верю ни в какие дружбы с поляками и прочими литовцами...»¹⁰²

Можно понять чувства тех, кто отправлял домой, в разрушенную родную деревню разрешенную командованием посылку из собранных трофеев. Однако при этом в подавляющем большинстве случаев речь шла не об изъятых у населения ценностях, а об оставленных и бесхозных вещах. Так, старшина В.В.Сырлицин в письмах к жене в июне 1945 г. объяснял происхождение вещей, отправленных ей в посылках: «Все это приобретено совершенно честным путем и не воображай, что в Германии разбой и грабеж идет. Полный порядок. При наступлении конфисковывали брошенное «тузами» берлинскими и распределяли по-товарищески кому что нравится...» В другом письме он подчеркивал: «Мы здесь не похожи на фрицев, бывших в Краснодаре – никто не грабит и не берет ничего у населения, но это наши законные трофеи, взятые или в столичном Берлинском магазине и складе или найденные распотрошенные чемоданы тех, кто давал «стрекоча» из Берлина»¹⁰³.

А вот рассказ минометчика Н.А. Орлова: «...По поводу трофеев. Наглого грабежа на моих глазах не было. Если кто-то что-то брал, то только в брошенных домах и магазинах. «Всевидящее око» особистов в Германии не дремало. За мародерство иногда расстреливали... Когда разрешили посылать посылки домой, были ограничения в весе, если я не ошибаюсь, офицер мог послать посылку до 8 кг веса, солдат – до трех килограмм. Я матери послал посылку с отрезами ткани и она благополучно дошла до адресата... Но чтобы кто-то кольца золотые в кисете таскал – я не видел...»¹⁰⁴.

Нельзя отрицать факты «трофейно-посылочной лихорадки» в советских войсках на заключительном этапе войны и сразу после ее окончания (политорганы именовали это явление «барахольством»¹⁰⁵), однако, в отличие от западных союзников, «нажиться» и «обогатиться» при этом стремились все же немногие, в основном «тыловики и обозники». Пренебрежительные высказывания о вещах – мелочь, тряпки, дрянь, барахло – встречались в письмах и дневниках очень часто. «Мелочность быта произвольно отторгалась теми, кто ежедневно переживал смертельную опасность»¹⁰⁶. Большинство советских военнослужащих старалось просто поддержать в тылу свои семьи, высылая в разоренные города и села необходимые в быту мелочи, чтобы хоть как-то возместить понесенные в связи с войной потери или дать возможность близким обменять присланное на продукты питания.

При этом следует отметить особую проблему восприятия советскими людьми заграницы, довоенные представления о которой сильно расходились с увиденным в действительности. Годами внушаемые идеологические стереотипы пришли в противоречие с реальным жизненным опытом. Недаром так тревожили политотделы «новые настроения», когда в письмах домой солдаты описывали жизнь и быт немецкого населения «в розовых красках», сравнивая увиденное с тем, как жили сами до войны, и делая из этого «политически неверные выводы»¹⁰⁷.

Даже бедные по европейским стандартам дома казались им зажиточными, вызывая, с одной стороны, зависть и восхищение, а с другой – озлобляя своей, по их понятиям, роскошью.

Так, в документах того периода часто упоминаются разбитые часы, рояли, зеркала.

«Наступаем, можно сказать, совершаем триумфальное шествие по Восточной Пруссии, – рассказывала в письме своему фронтовому другу Ю.П. Шарпову от 9 февраля 1945 г. из-под Кенигсберга военврач Н. Н. Решетникова. – Ничего общего нет с нашим лесным наступлением [в Карелии]. Двигаемся по прекрасным шоссе. Всюду и везде валяется разбитая техника, разбитые фургоны с различным ярким тряпьем. Бродят коровы, свиньи, лошади, птицы. Трупы убитых перемешались с толпами беженцев – латышей, поляков, французов, русских, немцев, которые двигаются от фронта на восток на лошадях, пешком, на велосипедах, детских колясках, и на чем только они не едут. Вид этой пестрой, грязной и помятой толпы ужасен, особенно вечером, когда они ищут ночлега, а все дома и постройки заняты войсками. А войск здесь столько, что даже мы не всегда находим себе дома. Вот, например, сейчас расположились в лесу в палатках...

Жили здесь культурно и богато, но поражает стандарт везде и всюду. И после этого окружающая роскошь кажется ничтожной, и когда замерзаешь, то без сожаления ломаешь и бьешь прекрасную мебель красного или орехового дерева на дрова. Если бы ты только знал, сколько уничтожается ценностей Иванами, сколько сожжено прекраснейших, комфортабельных домов. А в то же время солдаты и правы. С собой на тот свет или на этот всего взять не может, а, разбив зеркало во всю стену, ему делается как-то легче, – своеобразное отвлечение, разрядка общего напряжения организма и сознания»¹⁰⁸

Это распространенное явление – бессмысленное уничтожение предметов роскоши и быта на вражеской земле, отмеченное военным медиком, служило не только для психологической разрядки. И своим разрушительством, и отдельными актами насилия, направленными на гражданское население Германии, люди выплескивали чувство мести за гибель семьи и друзей, за разрушенный дом, за свою сломанную жизнь. Нетрудно понять чувства солдата, крушившего предметы быта, который давал выход своей горечи.

При этом «дух разрушения» не был отличительной чертой именно советских войск. Так, О.Уайт отмечал: «Я видел немало случаев преднамеренной и злоумышленной жестокости. Солдаты считали, что они всего лишь восстанавливают справедливость и несут морально обоснованное возмездие той расе, которая угнетала Западную Европу на протяжении пяти лет. Покорность немцев никак не влияла на поведение победителей, а напротив, возбуждала гнев и презрение. Мне довелось видеть, как американские солдаты преднамеренно и планомерно громили немецкий дом в Эрфурте...»¹⁰⁹

Молоко для немецких детей

Конечно, дошедшие до нас документы не могут охватить все многообразие взглядов, мыслей и чувств, которые возникли у советских людей, когда они перешли государственную границу СССР и двинулись на запад. Но и в них ясно видны и новые политические настроения, и отношение к ним советского руководства, и проблемы дисциплинарного характера, которые возникают перед любой армией, воюющей на чужой территории, и целый ряд нравственных и психологических проблем, с которыми пришлось столкнуться советским солдатам в победном 1945 г.

Для подавляющего большинства советских воинов на этом этапе войны характерным стало преодоление естественных мстительных чувств и способность по-разному отнестись к врагу сопротивляющемуся и врагу поверженному, тем более к гражданскому населению. Преобладание ненависти, «ярости благородной», справедливой жажды отмщения вероломно напавшему, жестокому и сильному противнику на начальных этапах войны сменилось великодушием победителей на завершающем этапе и после ее окончания.

«Перешли границу – Родина освобождена, – вспоминала санинструктор Софья Кунцевич. – Я думала, что когда мы войдем в Германию, то у меня ни к кому пощады не будет. Сколько ненависти скопилось в груди!

Почему я должна пожалеть его ребенка, если он убил моего? Почему я должна пожалеть его мать, если он мою повесил? Почему я должна не трогать его дом, если он мой сжег? Почему?

Хотелось увидеть их жен, матерей, родивших таких сыновей. Как они будут смотреть нам в глаза?.. Все мне вспомнилось, и думаю: что же будет со мной? С нашими солдатами? Мы все помним...

Пришли в какой-то поселок, дети бегают – голодные, несчастные. И я, которая клялась, что всех их ненавижу, я соберу у своих ребят все, что у них есть, что осталось от пайка, любой кусочек сахара, и отдам немецким детям. Конечно, я не забыла, я помнила обо всем, но смотреть спокойно в голодные детские глаза я не могла»¹¹⁰.

Голодных немецких ребятишек подкармливали многие наши солдаты. И советская военная администрация в вопросах обеспечения немецкого населения продовольствием особую заботу проявляла о детях. Неслучайно еще 31 мая 1945 г. Военный совет 1-го Белорусского фронта принял постановление о снабжении молоком в г. Берлине детей до 8-летнего возраста¹¹¹.

Вот как описал корреспондент «Красной звезды» Павел Трояновский будничные день маршала Г.К.Жукова в мае 1945 г. в Берлине: «Начальник тыла фронта генерал докладывает командующему о подвозе продовольствия для населения Берлина – сколько муки, крупы, жиров, сахара, соли.

- Для детей молоко надо искать...

Генерал посмотрел на маршала и после непродолжительной паузы сказал:

- Мне, товарищ маршал, пишут из дома, что голодают...

- Мне тоже пишут, что в Союзе туго... Но это не меняет дела. Директива предельно ясна: выделить столько-то продовольствия для немецкого населения Берлина.

- Будем кормить фашистов?

- Будем кормить немцев – стариков, старух, детей, рабочих...»¹¹²

Гуманность советских войск по отношению к немецкому населению после всего, что совершили гитлеровские войска на оккупированной ими территории, была удивительна даже для самих немцев. Тому есть немало свидетельств.

Вот одно из них, зафиксированное в донесении от 15 мая 1945 г. члена Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенанта Ф.Е. Бокова члену Военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанту К.Ф. Телегину о политических настроениях жителей Берлина в связи с проводимыми советским командованием мероприятиями: «Домохозяйка Елизавета Штайм заявила: «Я имею троих детей. Мужа у меня нет. Я предполагала, что всем нам придется погибнуть от голодной смерти. Нацисты говорили, что большевики расстреливают все семьи, в которых кто-нибудь участвовал в войне против России.

Я решила вскрыть вены своим детям и покончить самоубийством. Но мне было жалко детей, я спряталась в подвал, где мы просидели голодными несколько суток. Неожиданно туда зашли четыре красноармейца. Они нас не тронули, а маленькому Вернеру даже дали кусок хлеба и пачку печенья. Я не верила своим глазам. После этого мы решили выйти на улицу.

На улице было много гражданского населения. Никто их не трогал. Все они спешили по своим делам. Я сначала пугалась каждого военного, но теперь я убедилась, что Гитлер и Геббельс брехуны. Мне стало ясно, что нас обманывали. Это доказывается тем, что русские не только не уничтожают и не истребляют население, а даже беспокоятся, чтобы это население не умирало с голоду. Больше того, выдает высокие нормы и беспокоится о восстановлении наших жилищ.

Я беседовала со всеми жильцами нашего дома. Все они очень довольны таким отношением русского командования к нам. От радости мы завели патефон и танцевали целый вечер. Некоторые высказывали только такую мысль – неужели так и будет дальше, неужели так и дальше будут снабжать. Если будет так, то остается только одно – устроиться на работу и восстанавливать разрушенное...»¹¹³

Когда к 17 часам 13 мая берлинцы узнали о новых нормах питания и порядке получения продовольствия, толпа выразила свои чувства благодарности радостными аплодисментами.

«Общее настроение берлинцев – радостно-выжидательное, – говорилось в другом докладе Ф.Е.Бокова, также датированным 15 мая. – Никто не ожидал, что Советское Правительство проявит такую заботу о населении. Тем более никто не надеялся и не мог мечтать о таких нормах питания. Во время передач через звуковещательные установки наблюдались такие возгласы: «Благодарю Бога», «Боже мой! Дети получают сахар и масло», «Русские будут давать натуральное кофе. Интересно, где они его возьмут».

Прочитав листовку о новых нормах питания, крупный служитель Католической церкви доктор Панге заявил: «О, это прекрасно! Таких норм Германия не знала даже в первый год войны»¹¹⁴.

В Донесении начальника политического управления 1-го Белорусского фронта начальнику 7-го Управления Главного политического управления РККА о работе с немецким населением за период подготовки и проведения Берлинской операции № 0464 от 19 мая 1945 г. говорилось: «Население перестало бояться русских, охотно и активно помогает во всём, где это требуется, и хочет скорей получить работу... Наши мероприятия по продовольственному снабжению, налаживанию жизни города ошеломили немцев. Они удивлены великодушием, быстрым восстановлением порядка в городе, дисциплиной войск... Враждебная нам деятельность нацистских элементов носит единичный характер и не встречает поддержки основной массы населения. Наоборот, население активно начинает помогать вылавливать их»¹¹⁵.

В этой связи следует отметить интересную реакцию населения одного из районов Берлина в связи с распространившимся слухом о прекращении выдачи продовольствия. И.Серов 4 июня 1945 г. докладывал Л.Берия: «28 мая в районе Пренцлаунсберг из одного

дома был произведен выстрел в дежурного красноармейца комендатуры. Выброшенным на место нарядом часть жителей этого дома была взята в комендатуру, в связи с чем был пущен слух, что Красная Армия прекратит выдачу продовольствия населению. После этого в комендатуру явилось несколько делегаций от района с просьбой на площади публично расстрелять 30-40 заложников, но выдачу продовольствия не прекращать. Населению этого района было предложено разыскать виновного и доставить в комендатуру»¹¹⁶.

По наблюдениям советских политработников, «на какую бы тему ни говорил любой из немцев, он всё сводит к вопросам снабжения населения продовольствием»¹¹⁷.

«Жители были изумлены и говорили друг другу: «Русские не только не делают нам зла, но заботятся о том, чтобы мы не голодали»»¹¹⁸, – отмечалось во многих донесениях.

Берлинка Елизабет Шмеер в беседе заявила: «3 января с фронта приезжал в отпуск мой сын. Он служил в частях СС. Сын несколько раз говорил мне, что части СС в России творили невероятные дела. Если придут сюда русские, то они не будут вас «обливать розовым маслом». Получилось иначе. Победенному народу, армия которого так много причинила несчастья России, победители дают продовольствия больше, чем нам давало свое правительство. На такой гуманизм, видимо, способны только русские»¹¹⁹.

«По поводу новых норм снабжения фабричная работница Гетце сказала: «Это для нас оказалось очень неожиданным. Нас запугивали тем, что русские уничтожают женщин и детей. В самом деле мы получили спасение»»¹²⁰.

Вряд ли только политические директивы и грозные приказы могли остановить праведный гнев побеждавшей Советской Армии, который имел достаточно оснований вылиться в слепую месть поверженному врагу. И такие случаи, конечно же, были. Но они не превратились в систему.

Причины этого достаточно точно определил Д.Самойлов: «Германия подверглась не только военному разгрому. Она была отдана на милость победного войска. И народ Германии мог бы пострадать еще больше, если бы не русский национальный характер – незлобивость, немстительность, чадолюбие, сердечность, отсутствие чувства превосходства, остатки религиозности и интернационалистического сознания в самой толще солдатской массы. Германию в 45-м году пощадил природный гуманизм русского солдата»¹²¹.

Историческая память и амнезия

Как справедливо отмечает О.А. Ржешевский, ярость советских воинов, вступивших с боями на вражескую землю, была вполне объяснимой, «однако лавина ответной мести не захлестнула Германию, а криминальные поступки, эти неизбежные спутники войны, совершали военнослужащие всех союзных армий»¹²². При этом в 1944-1945 гг. в англо-американских войсках «мало кто сомневался в том, что немцы заслужили свою судьбу...», исходя из принципа, что «единственный способ научить krauts [кличка немцев, данная им американцами, происходит от немецкого слова, обозначающего кислую капусту], что в войне нет ничего хорошего, заключается в том, чтобы обращаться с ними так же, как они когда-то поступали с другими»¹²³.

Однако вопрос о «бесчинствах Красной Армии» против немецкого населения сегодня раздувается на Западе до мифических размеров, тогда как не менее масштабные аналогичные явления со стороны западных армий, которые отнюдь не имели под собой такой психологической основы, какая была у советских солдат, чей народ пережил все ужасы фашистской агрессии и оккупации, замалчиваются и отрицаются.

Забывается и поведение в сходных ситуациях граждан стран Восточной Европы, которые проявляли по отношению к побежденным немцам куда большую жестокость, чем наступавшие советские части.

Так, в секретном докладе заместителя наркома внутренних дел, уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту И.Серова наркому внутренних дел Л.П.Берия от 5 марта 1945 г. отмечалось, что «со стороны военнослужащих 1-й Польской армии отмечено особенно жестокое отношение к немцам»¹²⁴ Но и польское население, и даже новые

польские власти отличались массовыми притеснениями и жестокостью по отношению не только к немецким военнослужащим, но и к гражданским немцам.

«Местные жители, поляки из онемеченных польских семей, пользуясь благоприятной возможностью, устремились на грабеж хозяйств своих бывших соседей-немцев. Советское командование даже вынуждено было принимать целый ряд мер по предотвращению массовых грабежей немецких дворов и разграбления промышленных и иных предприятий в зонах оккупации. ...Отношения между немцами и поляками в занятых советскими войсками районах были очень напряженными. Польские власти, принимая от Красной Армии переходившие под их управление бывшие немецкие районы, запрещали населению разговаривать на немецком языке, отправлять службу в кирхах, ввели телесные наказания за неповиновение»¹²⁵.

Неслучайно в донесении члена Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-лейтенанта Крайнюкова начальнику Главного политического управления РККА о политической обстановке на занятой территории Германии в полосе войск фронта от 4 апреля 1945 г. приводятся слова немецких жителей: «Лучше мы будем все время находиться под русской оккупацией, чем быть под властью поляков, так как поляки не умеют управлять и не любят работать»¹²⁶.

Немилосердие и даже крайнюю жестокость по отношению к побежденным немцам проявляли не только поляки, но и другие народы, побывавшие под фашистской оккупацией.

Так, в политдонесении политотдела 4-й танковой армии начальнику Политуправления 1-го Украинского фронта генерал-майору Ящечкину от 18 мая 1945 г. «Об отношении чехословацкого населения к немцам» сообщалось, что «за время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах.

Все это объясняется огромной злобой и жаждой мести, которое питает чехословацкий народ к немцам за все совершенные преступления.

Злоба и ненависть к немцам настолько велики, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами»¹²⁷.

Подробное перечисление и описание этих «необычных по форме» расправ (сжигание живьем на кострах, подвешивание за ноги, вырезание на теле свастики, и т.п.) мало отличается от того, что творили в оккупированных странах сами немцы (см. Документ). Однако столь буквальное исполнение ветхозаветного принципа «око за око, зуб за зуб», судя по документам, вызывало недоумение и неприятие у советских солдат, которые в понимании справедливого возмездия в большинстве своем исходили из принципа, что «не должны уподобляться немцам»¹²⁸.

Документы свидетельствуют и о поведении репатриантов, пестрые интернациональные толпы которых загрохотали дороги Германии: возвращаясь домой из немецкого рабства, они не упускали случая отомстить своим недавним хозяевам. В докладе военного прокурора 1-го Белорусского фронта генерал-майора юстиции Л.Яченина военному совету фронта о выполнении директив Ставки Верховного Главнокомандования и военного совета фронта об изменении отношения к немецкому населению от 2 мая 1945 г. сообщалось, что «насилиями, а особенно грабежами и барахольством, широко занимаются репатриированные, следующие на пункты репатриации, а особенно итальянцы, голландцы и даже немцы. При этом все эти безобразия сваливают на наших военнослужащих»¹²⁹.

В докладе наркома внутренних дел СССР Л.Берия Сталину, Молотову и Маленкову от 11 мая 1945 г. о проводимых мероприятиях по оказанию помощи местным органам в городе Берлине говорилось: «В Берлине находится большое количество освобожденных из лагерей военнопленных итальянцев, французов, поляков, американцев и англичан, которые забирают у местного населения личные вещи и имущество, грузят на повозки и направляются на запад. Принимаются меры к изъятию у них награбленного имущества»¹³⁰.

Примеры такого рода приводятся и в дневниках Осмара Уайта: «Военные власти сумели установить некоторое подобие порядка на освобожденных территориях. Но когда бывшие подневольные рабочие и узники концлагерей заполнили дороги и начали грабить один городок за другим, ситуация вышла из-под контроля... Некоторые из переживших лагерь собрались в банды для того, чтобы рассчитаться с немцами. Малонаселенные районы, которые не пострадали во время боевых действий, нередко страдали от разбоя этих банд...»¹³¹

Этот же военный корреспондент свидетельствовал: «В Красной Армии господствует суровая дисциплина. Грабежей, изнасилований и издевательств здесь не больше, чем в любой другой зоне оккупации. Дикие истории о зверствах всплывают из-за преувеличений и искажений индивидуальных случаев под влиянием нервозности, вызванной неумеренностью манер русских солдат и их любовью к водке. Одна женщина, которая рассказала мне большую часть сказок о жестокостях русских, от которых волосы встают дыбом, в конце концов была вынуждена признать, что единственным свидетельством, которое она видела собственными глазами, было то, как пьяные русские офицеры стреляли из пистолетов в воздух или по бутылкам»¹³².

Еще одна тенденция отмечена в уже упомянутом докладе военного прокурора 1-го Белорусского фронта от 2 мая 1945 г.: «Есть случаи, когда немцы занимаются провокацией, заявляя об изнасиловании, когда это не имело места. Я сам установил два таких случая. Не менее интересно то, что наши люди иной раз без проверки сообщают по инстанции об имевших место насилиях и убийствах, тогда как при проверке это оказывается вымыслом»¹³³. Напрасные оговоры тоже имели место.

Однако в современной Европе при оценке событий Второй мировой войны сознательно переставляются акценты, возбуждаются отрицательные эмоции в отношении страны и армии-освободительницы, фабрикуется их негативный образ, внедряемый в массовое сознание. Приведем лишь одну цитату из французской газеты *Le Figaro* от 15 июня 2005 г.: «Победоносной Красной Армии, российским руководителям и коммунистам, в частности французским, есть за что попросить прощения. И напрячь свою память. Вся Европа должна бы в один голос потребовать этого!»¹³⁴ И это пишут в стране, которая после короткого сопротивления «легла» под немецких оккупантов, большинство граждан которой запятнали себя коллаборационизмом¹³⁵, а среди немногих, оказавшихся во французском Сопротивлении внутри страны, более половины составляли коммунисты да иностранцы, в том числе бежавшие советские военнопленные...

Интересно, как формировалась и эволюционировала историческая память о Второй мировой войне в Германии.

Немецкий историк Рейнхард Рюруп, рассуждая на тему о том, «как немцы обошлись с памятью о войне», констатировал, что «большинство немецкого населения восприняло 1945 год как поражение, а освобождение от нацизма – как порабощение. За исключением некоторых известных публицистов, значительное большинство немцев в первые послевоенные годы было не в состоянии открыто и беспощадно критиковать то, что совершила Германия в Советском Союзе... На первый план вышли собственные страдания и потери, боль от смерти близких, забота о военнопленных и пропавших без вести, бегство и ежедневная борьба за выживание. Казалось, что собственные страдания сделали народ неспособным к восприятию немецких преступлений и немецкой вины. Едва прошел первый испуг, начали говорить о несправедливости других, о "юстиции победителей"»¹³⁶.

Пожалуй, наиболее емко и убедительно охарактеризовал современную ситуацию с исторической памятью о войне Президент Чешской Республики В. Клаус, подчеркнувший, что «победа над нацистской Германией была великой и действительно исторической победой». Он отметил, что в последнее время все чаще наблюдаются попытки пересмотра оценок итогов Второй мировой войны. По его словам, «историю нельзя переписать или исправить». В своем выступлении по случаю празднования 60-летия освобождения Северной Моравии президент, в частности, сказал: «Мы часто слышим рассуждения, в которых

окончание Второй мировой войны интерпретируется иначе по сравнению с тем, как оно было пережито миллионами наших сограждан. Исчезает понятие освобождения и начинает преобладать акцент на послевоенном периоде истории.

Окончание Второй мировой войны рассматривается как начало новой тоталитарной эпохи, которая вскоре наступила в нашей части Европы на четыре долгих десятилетия. Я убежден, что подобная оценка этого исторического события, которое, вне всяких сомнений, означало освобождение от нацизма и окончание немецкой оккупации, а также, собственно, и всей Второй мировой войны, не должна возобладать...

Мы не имеем права смотреть на прошлое с иной позицией, нежели с позиции исторической. Мы не имеем права забывать об очередности фактов, причинно-следственной связи. Мы не можем якобы «гуманистически нейтрально» анализировать трагические события войны и периоды непосредственно после нее, то есть с точки зрения некоей «симметрии страданий». Люди, которые сегодня выступают с подобными идеями, постоянно требуют от нас делать все новые и новые некие «жесты примирений», которые, однако, фактически уравнивают между собой палачей и жертв, а иногда даже и меняют их местами»¹³⁷.

Эта тенденция переакцентировки, особенно по прошествии времени, в оценках войны психологически закономерна.

Как высказался один из участников дискуссии в Интернете по поводу официальной трактовки истории Второй мировой войны, принятой сегодня в странах Прибалтики, «у разных народов существуют мало похожие друг на друга "альтернативные истории"», и «причиной столь странного и совершенно разного отношения к историческим событиям является отнюдь не желание человека узнать правду о дне вчерашнем, а желание комфортно жить в дне сегодняшнем. Именно поэтому так отличаются трактовки одного и того же исторического события у разных людей и разных народов... В прошлом человек ищет опоры и оправдание для настоящего»¹³⁸.

Когда эти психологические закономерности дополняются государственными интересами, подобное явление переоценок и даже оценочных инверсий становятся вполне объяснимыми: политика смыкается с массовыми общественными настроениями и опирается на них, даже если «новые интерпретации» полностью противоречат исторической правде.

Сегодня на Западе и в Восточной Европе негативное отношение к русским целенаправленно подогревается и культивируется, в том числе искажением исторической памяти о Второй мировой войне: вытесняется память о советском солдате как освободителе и спасителе пострадавших от фашизма народов и внедряется фальсифицированный образ жестокого захватчика, «почти на полвека оккупировавшего восточноевропейские страны»¹³⁹. Тем самым наносится жестокое оскорбление почти 7 млн. советских воинов, участвовавших в Освободительной миссии, из которых около 1 млн 100 тыс.¹⁴⁰ отдали свои жизни за свободу европейских народов, спасли многие из них от полного уничтожения.

Так историческая память превращается в историческую амнезию.

Но хотелось бы подчеркнуть: прошлое не прощает тех, кто забывает его уроки. Конструктивная память о Второй мировой войне должна быть направлена не на обострение проблем и противоречий, а на утверждение ценности единства мира и согласия. Однако базироваться они могут только на исторической правде, на тех ценностях, которыми руководствовались страны Антигитлеровской коалиции в борьбе с фашизмом, с нацистской агрессией, расизмом и геноцидом народов. Попытки замалчивать правду о войне, переписывать историю, переставлять акценты в ее интерпретации выгодна только тем силам, которые стремятся к разжиганию новой розни и конфронтации.

**Политдонесение политотдела 4-й танковой армии
об отношении чехословацкого населения к немцам**

НКО-СССР
ГЛАВНОЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
Рабоче-Крестьянской
Красной Армии
31 мая 1945 г.
№ 258083
г.Москва, ул. Фрунзе, 19

СЕКРЕТНО
Экз. №

ЦК ВКП(б)
тов. Александрову Г.Ф.

Направляю Вам копию политдонесения начальника политотдела 4 танковой армии гв. Полковника тов. Кладового от 18 мая 1945 г., вх. 02481 об отношении чехословацкого населения к немцам.

Приложение: на 3 листах.

НАЧАЛЬНИК ОРГИНСТРУКТОРСКОГО ОТДЕЛА
ГЛАВПУРККА

/ЗОЛОТУХИН/

2 экз./ вв.
1-й адр.
2-й в дело
№ 0-712

РГАСПИ. ф. 17, оп. 125, д. 320, лл. 160.

НКО-СССР
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
4 ТАНКОВОЙ АРМИИ
18 мая 1945 г.
№ 0263

Вх. 02481

Копия
СЕКРЕТНО

Начальнику Политуправления 1 Украинского фронта
Гвардии генерал-майору тов. ЯШЕЧКИНУ

ПОЛИТДОНЕСЕНИЕ

Об отношении чехословацкого населения к немцам

За время пребывания в Чехословакии бойцы и офицеры наших частей были неоднократно очевидцами того, как местное население свою злобу и ненависть к немцам выражало в самых разнообразных, подчас довольно странных, необычных для нас формах.

В районе гостиницы гор.Прага чехословацкие патриоты, собрав группу до 30 немцев, принимавших участие в подавлении восстания, заставили их лечь на дорогу лицом вниз и каждого из них, кто пытался поднять голову, избивали палками. Продолжалось это в течение 40 минут. После чего немцы были выведены за город и там сожжены на кострах.

Встречая наши передовые танки чехи на центральной улице г.Прага выстроили большую группу немцев, предварительно нарисовав на лбу каждого из них фашистскую свастику. При подходе танков заставили немцев стать на колени, а затем лечь лицом вниз.

Поймав кого-либо из руководителей гитлеровской клики г.Прага чехословацкие

патриоты обычно раздевали их до пояса, обмазывали краской, заставляли в таком виде работать по исправлению мостовой, разборке баррикад, при этом нередко избивали.

10 мая в Праге было задержано четыре немецких солдата, которые укрываясь на чердаке здания, продолжали убивать снайперским огнем военнослужащих Красной Армии и жителей города. Задержанные немцы были тотчас же подвешены за ноги на столбах, облиты бензином и сожжены.

В районе техникума жители города, раздев по пояс 15 немцев и вымазав их краской, заставили работать по исправлению мостовой, при большом скоплении народа. После этого немцы были выведены за город и расстреляны.

На восточной стороне города в одном из дворов было расстреляно до 100 немцев. Расстрел производили в одиночку из мелкокалиберной винтовки.

На улице Народная в течение 9 и 10 мая можно было нередко видеть, как чешские патриоты избивали немцев палками, обливали холодной водой и применяли другие пытки.

На этой улице 5 немцев в форме СС были поставлены на колени, на головах у каждого из них лежало по камню. К этим немцам поочередно подходили дети, женщины, мужчины и ударяя палкой по камням, лежавшим на голове провозглашали «Хайль Гитлер».

Другая группа немцев в количестве 9 человек (7 мужчин и 2 женщины) были раздеты жителями города, избиты и затем с подтянутыми кверху руками проведены вдоль улицы при большом скоплении населения.

На этой же улице были сожжены подвешенные на столбах за ноги два гестаповца. Около их трупов была вывешена надпись: «За убийство и смерть наших братьев».

Подобные факты можно было встретить не только в г.Праге, но и в других городах и населенных пунктах Чехословакии.

В селе Родошовицы в момент, когда чехи конвоировали в плен немцев, одна из женщин, подбежав к немцам, с возгласами проклятия стала избивать их. Глядя на нее это же делали и другие. Так были избиты до синяков почти все находившиеся в колонне пленные немцы.

В г.Мост группа чехов совместно с русскими, освобожденными из лагеря военнопленных, начальника лагеря убили палками.

В с. Лушка с приходом наших частей чехи выгнали всех проживавших здесь немцев (290 чел.), а оставшееся их имущество конфисковали.

В г. Рыжичаны все ранее проживавшие немцы были также согнаны в одно место. У каждого из них чешские патриоты выстригли на голове по клочку волос и после этого под конвоем отправили в Германию.

В 13 км от населенного пункта Мшец чехословаками был пойман полковник СС. После длительных пыток они повесили его за ноги на дерево и сожгли, предварительно вырезав на спине его фашистскую свастику.

Все эти факты не единичны. Почти в каждом случае в расправе над немцами принимало участие много населения.

Интересно отметить такой факт, что в ряде мест г.Прага в первые дни освобождения можно было видеть висящие на чем-либо портреты Гитлера с перевязанной вокруг шеи веревкой. На одной из улиц города был повешен на веревке металлический бюст Гитлера и около него лежала палка. Каждый мимо проходящий чех ударял палкой по этому бюсту и плевал в него.

Все это объясняется огромной злобой и жадной мести, которое питает чехословацкий народ к немцам за все совершенные преступления.

Житель г.Прага доктор Кот говорит:

«Немцы угнетали чехословацкий народ в течение шести лет. За четыре дня до прихода Красной Армии в Прагу они учинили массовые расстрелы мужчин и женщин. Даже детей на глазах у родителей вешали на специальных крючках или же ставили в ряд и давили гусеницами танков».

Житель города Кладно Вецлов Гольман говорит:

«С приходом немцев над нами нависла темная ночь. Издевались они над нами как хотели. Все эти 6 лет продолжалось массовое истребление чехов. Немцы относились к нам хуже чем к скоту. Был установлен голодный паек в 130 гр. хлеба на человека, а работать заставляли по 12 часов в сутки. Кто отказывался от работы отправляли в концлагеря».

Учительница Карла Проханова говорит:

«Немцы закрыли все наши учебные заведения. Студенты в массовом количестве арестовывались и направлялись в Германию. Дальнейшая судьба их не известна. Были закрыты также все чешские начальные школы. Лекарство из аптек разрешалось отпускать только немцам. Больницы не работали».

Подобные высказывания чехословаков встречаются повсеместно.

Злоба и ненависть к немцам настолько велика, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами.

П/п Начальник Политотдела 4 ТА
Гвардии полковник –

Кладовой

Верно: Начальник отделения информации
Оргинструкторского отдела ГЛАВПУРККА

/Леонов/

1 экз./ вв.

РГАСПИ. ф. 17, оп. 125, д. 320, лл. 161-163.

Примечания

- ¹ Геббельс Й. Дневники 1945 года. Последние записи. Пер. с нем. Смоленск, 1998. // http://www.erlib.com/Йозеф_Геббельс/Дневники_1945_года_Последние_записи/5/
- ² Там же. http://www.erlib.com/Йозеф_Геббельс/Дневники_1945_года_Последние_записи/13/
- ³ Райан К. Последняя битва. Штурм Берлина глазами очевидцев. Пер. с англ. М., 2003. С. 23. // http://militera.lib.ru/h/ryan_c/01.html
- ⁴ Зульцман Р. Пропаганда как оружие в войне // Итоги Второй мировой войны. Выводы побеждённых. СПб-М.: Полигон, АСТ, 1998. С. 536–537.
- ⁵ White Osmar. Conquerors' Road: An Eyewitness Account of Germany 1945. Cambridge University Press, 2003 [1996]. XVII, 221 pp. ISBN 0521537517. Все цитаты приводятся по переводу, размещенному на сайте: <http://www.argo.net.au/andre/osmarwhite.html>
- ⁶ Там же.
- ⁷ App A. J. Ravishing the Women of Conquered Europe. San Antonio, 1946.
- ⁸ Keeling R.F. Gruesome Harvest. The Costly Attempt To Exterminate The People of Germany. Chicago, 1947.
- ⁹ Цит. по: Мендкович Н. Кто «изнасиловал Германию»? Актуальная история // <http://actualhistory.ru/51>, <http://actualhistory.ru/52>, <http://actualhistory.ru/91>.
- ¹⁰ Солженицын А. Прусские ночи. Поэма. Париж, 1974.
- ¹¹ Копелев Лев. Хранить вечно. Мемуары. М., 2004.
- ¹² Мендкович Н. Кто «изнасиловал Германию»? Актуальная история // <http://actualhistory.ru/51>, <http://actualhistory.ru/52>, <http://actualhistory.ru/91>
- ¹³ Beevor A. Berlin. The Downfall 1945. L.: Viking, 2002. Русское издание: Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2004.
- ¹⁴ Мендкович Н. Указ. соч.
- ¹⁵ «Зверства» Красной армии, или кровавый след освобождения // Россия в зарубежном теле- и радиоэфире. РИА Новости. № 046. 6-19 апреля 2005 г. С. 9.
- ¹⁶ См., например: Карасин Г. Ложь и инсинуации в статье, опубликованной в «The Daily Telegraph». Письмо редактору «The Daily Telegraph». 25 января 2002 // <http://www.inosmi.ru/translation/140008.html>
- ¹⁷ Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2004. С. 134. Сноска 258.
- ¹⁸ Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.

- ¹⁹ *Сенявская Е.С.* Указ. соч. С. 183-184.
- ²⁰ *Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. М., 1995. С. 314-315.
- ²¹ См.: *Эггерт К.* Память и правда // BBC Russian.com.
http://news.bbc.co.uk/hi/russian/in_depth/newsid_4464000/4464595.stm
- ²² *Бивор Э.* Указ. соч. С. 530-531. Сноска 16.
- ²³ *Sander H., Johr B.* BeFreier und Befreite. Krieg, Vergewaltigung, Kinder. München, 1992.
- ²⁴ См.: *Менджкович Н.* Указ. соч., *Петров Игорь (labas).* К вопросу о "двух миллионах" // <http://labas.livejournal.com/771672.html?page=1#comments>; *awas1952:* Легенда о насильниках. Комментарий *dr_van_mogg* // <http://awas1952.livejournal.com/104346.html?thread=7611802#7611802>; *poltora_bobra* - О том, как русские «насиловали» немок // <http://poltora-bobra.livejournal.com/42605.html>
- ²⁵ С 1.09 по 31.12.1945 гг. – 12 новорожденных детей из общего числа 237 обследованных в детской клинике «Императрица Августа Виктория» г. Берлина признаны «русскими», причем лишь в пяти случаях указано «изнасилование»; с 1.01. по 31.12.1946 гг. – 20 из 567 новорожденных признаны «русскими», причем изнасилование указано в 4-х случаях, однако Йор распространяет категорию изнасилованных матерей на всех, чьи дети рождены от русских. См.: *Петров Игорь (labas).* Указ. соч.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ См., например: *Бордюгов Г.* «Война всё спешет»? Вермахт и Красная Армия: к вопросу о природе преступлений против гражданского населения. Доклад на Международной научной конференции «Опыт мировых войн в истории России», 11 сентября 2005 г., Челябинск. <http://www.aigro-xxi.ru/gb/doklady/doklad01.htm>; и др.
- ²⁸ *Гофман Иоахим.* Сталинская война на уничтожение (1941-1945 годы). Планирование, осуществление, документы. М., 2006.
- ²⁹ *Joachim Hoffmann.* Stalins Vernichtungskrieg 1941-1945. F.A. Verlagsbuchhandlung. GmbH, München, 1998.
- ³⁰ См., например: *Sander H., Johr B.* BeFreier und Befreite. Krieg, Vergewaltigung, Kinder. München, 1992.; *Zayas A.-M. de.* A Terrible Revenge: The Ethnic Cleansing of the East European Germans, 1944–1950. NY, 1994; *Naimark N.* The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949. Harvard, 1995; *Hitchcock W. I.* The Struggle for Europe. The Turbulent History of a Divided Continent 1945–2002. NY, 2003; *Hastings M.* Armageddon: The Battle for Germany 1944–45. New York, 2004.
- ³¹ См.: *Нестеренко Юрий.* День национального позора, или Кто победил во Второй мировой войне // <http://yun.complife.ru/miscell/antivict.htm#article>
- ³² *Широпаев Алексей.* Могила Неизвестного Насильника // <http://shiropaev.livejournal.com/29142.html>
- ³³ Дневник одной коровки - Сетевые глисты против Дня Победы. // <http://kkatya.livejournal.com/272537.html>
- ³⁴ *Бордюгов Г., Дымарский В., Захаров Д.* Вермахт и РККА против мирного населения // Радиостанция "Эхо Москвы" /Передачи /Цена Победы /16.02.2009. <http://www.echo.msk.ru/programs/victory/572480-echo/>; *Солонин М., Бордюгов Г., Дымарский В., Захаров Д.* Красная Армия на немецкой территории. // Радиостанция "Эхо Москвы" /Передачи /Цена Победы /26.10.2009. <http://www.echo.msk.ru/guests/12328/>.
- ³⁵ Фильм «Безымянная. Женщина в Берлине» (2008 г.), получивший Приз за лучший международный фильм на Международном Фестивале 2009 года в Санта-Барбаре, в российский прокат допущен не был, но вышел на DVD и активно обсуждается в блогах
- ³⁶ *Тюрин Александр.* Ревизионисты и паскуды (12 мая 2010 г.) // <http://www.pravaya.ru/comments/18698>
- ³⁷ Они сражались с фашизмом. М., 1988. С. 130-131.
- ³⁸ Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин. (Красная Армия в поверженной Германии): Документы и материалы. Т. 15(4-5). М., 1995. С. 586.
- ³⁹ *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 46.
- ⁴⁰ Война Германии против Советского Союза 1941-1945. Документальная экспозиция города Берлина к 50-летию со дня нападения Германии на Советский Союз. Berlin, 1992. С. 255.
- ⁴¹ См.: *Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией. Политика и жизнь. М., 1995. С. 314-315; Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин. (Красная Армия в поверженной Германии): Документы и материалы. Т. 15(4-5). М., 1995. С. 220.
- ⁴² *Ржешевский О.А.* Берлинская операция 1945 г.: дискуссия продолжается // Мир истории. 2002. № 4; *Его же.* «...Изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским» // Военно-исторический журнал. 2003. № 5. С. 31.

-
- ⁴³ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее - ЦАМО РФ). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 78. Л. 30-32.
- ⁴⁴ Жуков Ю. Солдатские думы. М., 1987. С. 337.
- ⁴⁵ Ржевский О.А. «...Изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским». С. 31.
- ⁴⁶ См.: Приказ верховного командования вермахта от 6 июня 1941 г. относительно обращения с политическими комиссарами Советской Армии // Война Германии против Советского Союза 1941-1945. С. 46.
- ⁴⁷ Там же. С. 45.
- ⁴⁸ Рюруп Р. Немцы и война против Советского Союза // Свободная мысль. 1994. № 11. С. 80-81.
- ⁴⁹ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 35. Л. 93-102.
- ⁵⁰ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 219.
- ⁵¹ White Osmar. Conquerors' Road...
- ⁵² White Osmar. Conquerors' Road...
- ⁵³ Слуцкий Б. Записки о войне. Стихотворения и баллады. СПб., 2000. С. 174.
- ⁵⁴ Там же. С. 46-48.
- ⁵⁵ Там же. С. 46-48.
- ⁵⁶ Смольников Ф.М. Воюем! Дневник фронтовика. Письма с фронта. М., 2000. С. 228-229.
- ⁵⁷ Слуцкий Б. Указ. соч. С. 110, 107.
- ⁵⁸ Там же. С. 177.
- ⁵⁹ Чухрай Г. Моя война. М., 2001. С. 258-259.
- ⁶⁰ Родин А. Три тысячи километров в седле. Дневники. М., 2000. С. 127.
- ⁶¹ Самойлов Д. Люди одного варианта. Из военных записок // Аврора. 1990. № 2. С. 67.
- ⁶² Там же. С. 70-71.
- ⁶³ Родин А. Три тысячи километров в седле. Дневники. М., 2000. С. 110.
- ⁶⁴ Там же. С. 122-123.
- ⁶⁵ Там же. С. 123.
- ⁶⁶ Слуцкий Б. Указ. соч. С. 125.
- ⁶⁷ Там же. С. 127-128.
- ⁶⁸ Богомолов В.О. Германия, Берлин. Весна 1945-го // Богомолов В.О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. М.: Журнал «Наш современник», №№ 10-12, 2005, № 1, 2006. http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/03.html
- ⁶⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее - РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 10-12.
- ⁷⁰ Из интервью Н.А.Орлова на сайте «Я помню». <http://www.iremember.ru/minometchiki/orlov-naum-aronovich/stranitsa-6.html>
- ⁷¹ Самойлов Д. Указ. соч. С. 88.
- ⁷² Самойлов Д. Указ. соч. С. 88.
- ⁷³ Богомолов В.О. Жизнь моя, иль ты приснилась мне?.. // Наш современник. 2005. №№ 10-12; 2006. № 1. http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/03.html
- ⁷⁴ Из Политдонесения о доведении до личного состава директивы тов. Сталина № 11072 от 20.04.1945 г. в 185 стрелковой дивизии. 26 апреля 1945 г. Цит. по: Богомолов В.О. Указ. соч. http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/02.html
- ⁷⁵ Цит. по: Богомолов В.О. Указ. соч. http://militera.lib.ru/prose/russian/bogomolov_vo/02.html
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Государственный архив Российской Федерации. Ф. р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л.203.
- ⁷⁸ Слуцкий Б. Указ. соч. С. 99.
- ⁷⁹ Там же. С. 71.
- ⁸⁰ Полевой Б. Освобождение Праги // От Советского информбюро... Публицистика и очерки военных лет. 1941-1945. Т. 2. 1943-1945. М.: Издательство АПН, 1982. С. 439.
- ⁸¹ Там же. С. 177-178.
- ⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 33.
- ⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 99.

- ⁸⁴ *Ржешевский О.А.* «...Изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским». С. 31.
- ⁸⁵ *White Osmar.* Conquerors' Road...
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Помнить вечно. М., 1995. С. 105.
- ⁸⁹ *App A. J.* Ravishing the Women of Conquered Europe. San Antonio, 1946. Цит. по: О. Аппа: «Изнасилование женщин завоёванной Европы». <http://bolshoyforum.org/forum/index.php?page=86>.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Государственный архив Российской Федерации (Далее – ГА РФ). Ф. р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л.200.
- ⁹³ ГА РФ. Ф. р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л.200.
- ⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 14-19.
- ⁹⁵ ГА РФ. Ф. р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л.200.
- ⁹⁶ ГА РФ. Ф. р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л.200.
- ⁹⁷ *Шойфлер Х., Тике В.* Марш на Берлин 1944-1945. М., 2005. С. 559-560.
- ⁹⁸ *Никулин Н.Н.* Воспоминания о войне. 2-е изд. СПб., 2008. С. 191.
- ⁹⁹ *White Osmar.* Conquerors' Road: An Eyewitness Account of Germany 1945.
- ¹⁰⁰ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д; 76. Л. 85.
- ¹⁰¹ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 76. Л. 92, 94.
- ¹⁰² ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д; 76. Л. 86.
- ¹⁰³ Цит. по: *Тажидинова И.Г.* Ценность вещей: измерение военного времени // Проблемы российской истории. Вып. X. М.-Магнитогорск, 2010. С. 497.
- ¹⁰⁴ Из интервью Орлова Наума Ароновича на сайте «Я помню».
- ¹⁰⁵ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 68. Л. 17-20; Д; 76. Л. 225, 226; Д. 78. Л. 30-32; и др.
- ¹⁰⁶ *Тажидинова И.Г.* Указ. соч. С. 496.
- ¹⁰⁷ ЦАМО РФ. Ф. 372. Оп. 6570. Д. 68. Л. 4-5, 12; Д. 78. Л. 30-32; и др.
- ¹⁰⁸ Переписка Ю.П.Шарапова с Н.Н.Решетниковой. 1942–1945 гг. // Личный архив.
- ¹⁰⁹ *White Osmar.* Conquerors' Road...
- ¹¹⁰ *Алексиевич С.* У войны – неженское лицо. Минск, 1985. С. 301-302.
- ¹¹¹ Коммунист. 1975. № 4. С. 73-74; *Ортенберг Д. И.* Сорок третий: Рассказ-хроника. М., 1991. С. 120.
- ¹¹² *Ортенберг Д. И.* Сорок третий: Рассказ-хроника. М., 1991. С. 120.
- ¹¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 14-19.
- ¹¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 20-21.
- ¹¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 623. Л. 378.
- ¹¹⁶ ГА РФ. Ф. р-9401. Оп. 2. Д. 96. Л.205.
- ¹¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 577. Д. 318.
- ¹¹⁸ Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин. (Красная Армия в поверженной Германии): Документы и материалы. Т. 15(4-5). М., 1995. С. 401.
- ¹¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 20-21.
- ¹²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 321. Л. 54-55.
- ¹²¹ *Самойлов Д.* Указ. соч. С. 93.
- ¹²² *Ржешевский О.А.* «...Изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским». С. 31.
- ¹²³ *White Osmar.* Conquerors' Road...
- ¹²⁴ Власть. 2000. № 6(357). (15.02.2000). С. 47.
- ¹²⁵ *Лавренов С.Я., Попов И.М.* Крах Третьего рейха. М., 2000. С. 370-371.
- ¹²⁶ Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин. (Красная Армия в поверженной Германии): Документы и материалы. Т. 15(4-5). М., 1995. С. 214
- ¹²⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 161-163.
- ¹²⁸ *Шерстяной Э.* Германия и немцы в письмах красноармейцев весной 1945 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 148.
- ¹²⁹ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 41. Л. 226-338.
- ¹³⁰ ГА РФ. Ф. р-9401. Оп.2. Д. 95. Л. 399.
- ¹³¹ *White Osmar.* Conquerors' Road...

¹³² Там же.

¹³³ ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 41. Л. 226-338.

¹³⁴ *Афталъон Ф.* Москва должна заплатить долг памяти («Le Figaro», Франция) // ИноСМИ.RU. <http://www.inosmi.ru/stories/05/04/14/3445/220328.html>

¹³⁵ Сегодня «период оккупации во Франции предпочитают вспоминать, как героическое время. Шарль де Голль, Соппротивление... Однако беспристрастные кадры фотохроники свидетельствуют, что все было не совсем так, как рассказывают ветераны и пишут в учебниках истории». (См.: Кадры, которые стали национальным позором Франции // <http://svpressa.ru/war/photo/6743>). Не так давно в Парижской исторической библиотеке проходила выставка французского фотографа Андре Зукка «Французы под оккупацией». На выставке было показано более 250 цветных фотографий, сделанных между 1941 и 1944 годами. Фотографии показывают, как парижане наслаждались жизнью на берегах Сены, в кафе и городских парках, на залитых солнцем Елисейских полях. Парижские модницы щеголяют новыми шляпками, обнимаются влюбленные, дети катаются на роликовых коньках, люди ездят на велосипедах, кормят слона в городском зоопарке... Нацистские офицеры гуляют вместе с горожанами. «Картина просто идиллическая», «общее впечатление мирной и совсем не такой уж несчастной жизни», которую вовсе не омрачают красные флаги с черной свастикой. Выставка вызвала грандиозный скандал, мэрия французской столицы запрещала ее показ в Париже. Член городского совета и глава департамента культуры Кристоф Жирар сказал журналистам, что выставка «непереносима». (См.: Борьба с фашизмом по-французски... <http://szhaman.livejournal.com/219207.html>).

¹³⁶ *Рюруп Р.* Указ. соч. С. 80.

¹³⁷ Из сообщения для печати «О юбилее Победы за рубежом» от 7.05.2005 г., размещенного на сайте МИД РФ: http://www.in.mid.ru/brp_4.nsf/sps/091195668ECBC03FC3256FFA004E45E8.

¹³⁸ Цит. по: *Владимирский А.* Предъюбилейная «альтернативная история»: Пакт Молотова-Рибентропа, оккупация Прибалтики и Катынское дело в российских СМИ и Интернете // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному форуму (Москва, сентябрь 2005). Под ред. Ф.Бомсдорфа и Г.Бордюгова. Библиотека либерального чтения. Вып. 16. М., 2005. С. 228.

¹³⁹ *Крестовский В.* Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. Материалы к Международному форуму (Москва, сентябрь 2005). М., 2005. С. 148.

¹⁴⁰ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 325-326.